

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 13

П.С. Мясников

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЧУВАШСКОМ ПОВОЛЖЬЕ
В I–VIII ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2013 год

Чебоксары – 2013

УДК 902 (470.344)
ББК 63.4 (2Рос.Чув)
М 99

Научный редактор *Г.А. Николаев*

Мясников Н.С.

Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических данных / Н.С. Мясников; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2013. – 72 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 13).

Работа посвящена изучению этнокультурных процессов, происходивших в Чувашском Поволжье в конце раннего железного века – раннем Средневековье (I–VIII вв. н.э.), на основе археологических материалов, с упором на вещеведческий анализ.

© Н.С. Мясников, 2013
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2013

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Оригинал-макет *Л.Н. Сапоговой*

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 13

МЯСНИКОВ Николай Стапиславович

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЧУВАШСКОМ ПОВОЛЖЬЕ
В I—VIII ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2013 год

Введение

Территория Чувашского Поволжья¹ является одним из ключевых регионов в плане исследования этнокультурных взаимодействий, происходивших в Среднем Поволжье в I тысячелетии, во-первых, в силу малой изученности данной территории, особенно в сравнении с соседними субъектами, и, во-вторых, ввиду его большой значимости, так как Чувашский край, находящийся в междуречье Суры и Свияги, на стыке трех природно-климатических зон, в рассматриваемый период был контактной зоной многих этнокультурных образований.

Период I–VIII вв. н.э. представляется одним из актуальных и перспективных для изучения этнокультурных процессов. Именно в эту эпоху на карте региона появляются этнические группы, которые некоторые исследователи связывают с предками современных народов (упоминание готским историком Иорданом [VI в.] этнонима *mordens* [мордвы])².

Слабая изученность археологических памятников на рассматриваемой территории часто приводит исследователей к самым разным выводам относительно этнокультурной ситуации в Чувашии на протяжении I тысячелетия. Так, А.Х. Халиков считал, что «тюркоязычные предки чуваш в виде населения, оставившего памятники типа Писсеральско-Андреевских курганов на территории современной Чувашии, появились в первых веках н.э. и здесь, сменявшись с местными финноязычными (протомарийскими) племенами, заложили этническую основу чувашского народа»³. Предками чувашского народа В.Ф. Генинг видел посетителей империальной культуры (IV–VII вв.), с которыми связывалась ранняя тюркизация Среднего Поволжья⁴. Описывая языковую ситуацию в Среднем Поволжье, Ф.С. Хакимзянов и И.Л. Измайлов отмечают, что еще в середине V в. н.э. «или даже несколько ранее одна из групп отуро-тюркских племен (посетителей *p*-языка), разбитая в степи, отступила в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных чувашей»⁵. Г.И. Матвеевой высказана мысль о том, что в I тысячелетии на территории Чувашии на базе городской культуры образовалась культура, близкая к древнемордовской⁶.

Исследование археологических памятников Чувашского Поволжья I—VIII вв. позволит реконструировать этнокультурные процессы на территории края до появления раннеболгарского населения в Среднем Поволжье, выделить те или иные типы памятников, а также археологические культуры, посетители которых в последующую эпоху сыграют определенную роль в этногенезе мордовского, марийского и чувашского народов. Основой для такой работы должна стать разработка хронологии и периодизации, исходя из которых можно будет делать конкретные исторические выводы. Это мы и попытались сделать на основе анализа отдельных хронологических индикаторов и определяющих культуру находок на территории Чувашского Поволжья. Особое значение здесь приобретает исследование самого массового материала — керамики. Для её анализа мы использовали наиболее разработанную на материалах археологических культур волжских финнов методику В.В. Гришакова.

Итоги изучения археологических памятников Чувашского Поволжья I тысячелетия и перспективные направления дальнейших научных изысканий

Первые сведения о местонахождении памятников I тысячелетия (прежде всего о городищах) появляются в конце XIX — начале XX вв. благодаря стараниям краеведов (В.К. Магницкий, Н.А. Архангельский, К.С. Степанов и др.) и ученых Казани и Симбирска (П.И. Кротов, В.Н. Поливанов, М.М. Хомяков)⁷. Данные сведения были уточнены в 1920 — начале 1930-х гг. в ходе первых археологических экспедиций на территории Чувашии под руководством В.Ф. Смолина — в 1921 г.⁸ и 1926 г.⁹, П.П. Ефименко — в 1926—1927 гг.¹⁰, М.В. Восведского — в 1927 г.¹¹ и П.Н. Третьякова — в 1930 г.¹² В изучение памятников I тысячелетия особенно большой вклад внесла Н.В. Трубишкова, которая проводила широкие разведывательные работы и крупномасштабные раскопки «городищных» и «позднегородищных» городищ и селищ на территории Чувашской АССР в 1955—1965 гг.¹³ Множество памятников данного периода было выявлено работами П.Д. Степанова¹⁴, П.Н. Старостина¹⁵, Е.П. Михайлова¹⁶, В.Ф. Каховского и ряда других исследователей.

Среди чувашских исследователей до сих пор преобладает мнение, что до прихода в край булгар (IX—X вв.) данная территория была заселена племенами так называемой «позднгороднецкой» культуры. Данная точка зрения сформировалась еще в 1960—1970-х гг. благодаря работам А.П. Смирнова, Н.В. Трубниковой¹⁷ и В.Ф. Каховского¹⁸. Однако за последние четыре десятилетия концепция развития городнецкой культуры претерпела значительные изменения. Мы склонны считать, что к моменту появления ранних могильников волжских и окских финнов (Андреевский курган, Кошбеевский могильник, могильники селищенского типа и др.) городнецкая культура прекращает свое существование. Эта концепция получила обоснование в работах В.И. Ледяйкина¹⁹, В.Г. Миронова²⁰, Г.И. Матвеевой²¹, В.И. Вихляева²², В.В. Гришаква и С.Э. Зубова²³ и др. Эти учёные справедливо отмечают, что основные признаки городнецкой культуры — псевдорогожая и текстильная керамика — исчезают к первым векам нашей эры. Наиболее изученные городнецкие памятники в Подолье показывают прекращение функционирования культуры к началу нашей эры²⁴, в I—II вв. они перестают существовать на Самарской Луке²⁵ и в Лесостепном Прихоперье²⁶. Ни в одном из ранних могильников, в том числе и в Андреевском кургане (I — начало II в.), нет паходок вышеуказанной категории посуды²⁷. В то же время, как это отмечалось уже в работе А.П. Смирнова и Н.В. Трубниковой, меняются система укреплений, типы жилищ, массово появляются металлические и стеклянные предметы²⁸, то есть качественно изменяется культура.

В Среднем Поволжье, от устья Оки до Самарской Луки, в период с I по VIII в. появляются совершенно новые типы памятников и археологические культуры: памятники писеральско-андреевского типа, именьковская культура, культура рязано-окских могильников, азелинская культура, происходит формирование древнемордовской и древнемариинской археологических культур. В конце I в. в регионе появляются посетители писеральско-андреевских традиций, что открывает новый период в его истории. Во второй половине VII в. из-за экспансии Хазарского каганата происходят важные геополитические изменения на карте Восточной Европы, в том числе в лесной и лесостепной зонах²⁹. В конце VII —

начале VIII вв. фиксируется отток древнемордовского населения с верховьев Суры в Цнинско-Вадское междуречье³⁰. Вторая половина VII в. является верхней границей именьково-окекской культуры³¹, культуры рязано-окекских могильников³². В VIII–IX вв. в Среднем Поволжье, на востоке рассматриваемой территории, появляются раннеболгарские могильники³³, перестают функционировать нижнепосурские мордовские памятники³⁴.

Исходя из вышесказанного наиболее актуальными проблемами в изучении этнокультурной истории Чувашия I–VIII вв. мы считаем разработку критериев для разграничения писеральско-андреевских (I–II вв.), древнемордовских (III–VIII вв.), древнемарийских (V–VII вв.) и именьковских (IV–VII вв.) культурных комплексов; пересмотр на этой основе культурной атрибуции памятников «позднегогородской» культуры; разработку абсолютной и относительной хронологий памятников; поиск надежных закрытых археологических комплексов (могильников) и их целенаправленные исследования; определение границ распространения различных культурных традиций и влияний на территории Чувашии в разные исторические периоды.

**«Военный выплеск» I–II веков в Среднее Поволжье:
к вопросу о памятниках писеральско-андреевского типа
в Чувашском Поволжье**

Сегодня общепризнано, что Нижнее Посурье является местом локализации группы своеобразных памятников писеральско-андреевского типа, которые сейчас рассматриваются как культурная «подоснова» древней мордвы³⁵ и рязано-окекских финнов³⁶.

История изучения данной группы археологических памятников началась с открытия А.Х. Халиковым в 1958 г. Писеральского курганный могильника на Нижней Суре³⁷. В Среднем Посурье в 1960-х гг. под руководством П.Д. Степанова были исследованы Андреевские³⁸ и Староардатовский курганы³⁹. Г.А. Архиповым и А.И. Шадриным в 1991 и 1993 гг. и А.В. Михеевым в 2003–2004 гг.⁴⁰ проводились раскопки Климкинской курганный группы в Республике Марий Эл⁴¹. В 2010 г. С.Э. Зубовым и О.А. Радюшем были найдены два

могильника на Нижней Пьяне в Нижегородской области (Пильинские I, II) с материалами писеральско-андреевского типа⁴². На территории Чувашии памятники данного типа выделил А.Х. Халиков — находки из Кожар (Красноармейский район), Яндашева (Чебоксарский район), Большой Таябы (Яльчикский район), из бывшего Цивильского уезда. К памятникам писеральско-андреевского типа он причислял Ягаткинское городище «Пичке Сăрчĕ» в Моргаушском районе⁴³.

Выдвигались самые разнообразные мнения об этнокультурных составляющих данного населения: выделялись городецкий, пьяноборский, писево-зарубищенский, южно-сибирский, сарматский компоненты⁴⁴.

Датировка комплексов Андреевского и Староарлатовского курганов по современным данным укладывается в рамки середины I — начала II вв. н.э.⁴⁵ Также датируется группа А в хронологии мужских погребений Конгибеевского могильника, связываемых с писеральско-андреевским населением⁴⁶.

Перспективным представляется выявление поселенческих комплексов данной культурной традиции, которая пока выделена почти исключительно на материалах могильников.

В этом отношении представляет интерес известное с XIX в. **Ягаткинское городище «Пичке Сăрчĕ»**, расположенное между д. Ойкас-Абанга и д. Ягаткино в Моргаушском районе Чувашии, в 100 м к ССВ от первой деревни, на длинном мысу. В 1954 г. три шурфа на городище заложила разведочная экспедиция под руководством П.Д. Степанова⁴⁷, в 1958 и 1960 гг. оно почти полностью было раскопано отрядом Чувашской археологической экспедиции (ЧАЭ) под руководством Н.В. Трубиной⁴⁸.

К писеральско-андреевскому горизонту мы относим основной средний культурный слой городища⁴⁹ (также представлены материалы бронзового века и позднего Средневековья). Особенно показательны в данном отношении комплексы предметов вооружения и конского снаряжения: двуплечные наконечники стрел — втульчатые (рис. 1: 11–13, возможно, 25) и черепковые, с округлым длинным черепком с расплюснутым концом (рис. 1: 14–16, возможно, 24, 26), же-

лезвий мелкий черешковый наконечник с листовидным пером (рис. 1: 8), железные трехлопастные мелкие наконечники (рис. 1: 19–21, 27–31) и обломанный костяной трехгранный наконечник (рис. 1: 7), железные стержневидные псалмы с двумя боковыми выступами с отверстиями (рис. 1: 22–23). Для этого времени характерны также короткие железные ножи серповидной формы, с плавно выпнутой спинкой (рис. 1: 7–11).

Полные аналогии в памятниках писеральско-андреевского круга имеют украшения, найденные в среднем слое городища *Ничке Сърче*: бронзовые литые лапчатые подвески (рис. 2: 1–3, 5), бронзовые подвески типа цикад (псевдоцикалы) (рис. 2: 6, 7, 9, возможно, 4), литые бронзовые парные одночастные сапожковидные привески с двумя планками стали для привешивания и с валиками у основания (рис. 2: 8, 10–13), разнообразные бляшки (рис. 2: 14–19, 25–29, 31, 32, 35–38). Комплекс женских украшений находился в составе клада в яме, в постройке № 6, и включал в себя характерные для писеральско-андреевского времени железный шпогovitковый браслет (рис. 3: 21–22), нагосник, состоящий из двух круглых плоских блях (рис. 3: 1–2), с ремешками с нанизанными на них бронзовыми обоймицами (рис. 2: 33) и трубчатыми подвесками с гофрированной поверхностью, с расширением в нижней части (рис. 2: 23–24), а также крупные золотостеклянные бусы в сочетании с мелкими многочастными пронизьями (рис. 3: 4–20).

Формы целых и реконструированных сосудов, сопоставленные с типами посуды на соседних территориях, показывают наличие в комплексе слабопрофилированного горшка типа А156 (рис. 3: 27, 37), массового типа слабопрофилированных мисок Г216 (рис. 3: 36), усеченно-сфероконического бокала типа Д41с (рис. 3: 33). Именно эти формы В.В. Гришаков выделял в отдельную группу в Андреевском кургане и отмечал, что данные категории посуды находят прямые и широкие аналогии в ранних могильниках селищенского типа. Особенно интересно присутствие в керамическом комплексе банки типа Б20г (рис. 3: 30) и миски типа Г296 (рис. 3: 26), которые пока известны только в комплексе сосудов Андреевского кургана³⁰. Керамический комплекс также находит значительное сходство с керамикой одновременного Андреевского селища³¹.

Обращает на себя внимание факт огромного количества пряслиц (41 экз.) и особенно грузиков для вертикального ткацкого станка (57 целых и 317 в обломках) на городище в сравнении с одновременными памятниками соседних регионов⁵².

Рядом исследователей в последние годы доказывается, что посетители писеральско-андреевских культурных традиций представляли собой вооруженную группу, вторгшуюся на территорию Урало-Поволжья и подчинившую аборигенов⁵³. В этой связи городище *Ничке Сърчѐ* можно рассматривать как один из опорных пунктов «захватчиков» на Нижней Суре, единственное изученное укрепленное поселение писеральско-андреевского типа, которое могло выполнять определенный социальный заказ пришлого поселения (пошив одежды, изготовление оружия и украшений). Многочисленные признаки ремесленной деятельности на памятнике (металлургический шлак, фрагменты расплавленной меди, ткань и др.) вместе с множеством индивидуальных находок, в сравнении с «бедностью» соседних городищ данного времени, могут служить доказательством данного тезиса.

Одно из открытий ЧАО последнего полевого сезона — **Конарское селище**, расположенное в 620 м к ЮВ от окраины пос. Конары и в 400 м к западу от хутора Шиперы (Цивильский район), в небольшом лесу. В одном из шурфов, заложенных экспедицией в 2013 г., был зафиксирован культурный слой мощностью несколько сантиметров, содержащий фрагменты лепной заглаженной плоскодонной неорнаментированной керамики с примесью шамота в тесте⁵⁴.

На кладбищенских сайтах и у местных жителей были зафиксированы следующие находки с территории селища. Застежка с пятью пуговчовидными выступами и насечками по периметру рамки, с приостренным концом (рис. 5: 11). Лапчатые подвески (рис. 5: 12–13). Три типа застежек с неподвижным крючком — округлая в сечении, с двумя петлями с противоположной стороны от крючка, с насечками по периметру с лицевой стороны (рис. 5: 14), в виде умбоовидной бляшки с выпуклым ободком, с тремя рельефными валиками по окружности, с петлей на одном конце и крючком на другом (рис. 5: 15), округлая в сечении, с пуговчовидным

выступом с противоположной стороны от крючка, поперечной плашкой с веревочным орнаментом посередине (рис. 5: 16). Бронзовые, округлые в сечении пропизи (рис. 5: 17–19) и плоская бляшка (рис. 5: 20). Сапожковидные парные литые бронзовые подвески с валиками у основания (рис. 5: 21, 22). Бронзовые подвески-псевдоцикалы (рис. 5: 23–25). Трубочатая подвеска с гофрированной поверхностью и расширением в нижней части из четырех полос (рис. 5: 26).

Характерным украшением для писсерадьско-андреевского круга древностей является круглая застёжка с приостренным концом, рамкой круглого сечения с путовковидными выступами. Подобные известны в Писсерадьском, Кликинском могильниках⁵⁵, Андреевском кургане⁵⁶, Пильшинском I могильнике⁵⁷. Сапожковидные подвески также известны по материалам памятников типа «Писсерадь–Андреевка»⁵⁸, в пьяноборских материалах⁵⁹, в древнемордовском Шемшинском могильнике⁶⁰. Подвески-псевдоцикалы находят аналогии в Пьяноборском могильнике⁶¹, на Буйском городище в слое пьяноборского времени⁶², в разграбленных погребениях Пильшинского I могильника⁶³. Подвески с расширением и гофрированной поверхностью известны по материалам Писсерадьского могильника⁶⁴. Близка к ним подвеска из погребения 28 Опкинского могильника на Вятке, датируемая I–II вв. н.э.⁶⁵

В данной главе нельзя обойти стороной такое яркое явление в археологии края этого периода, как отдельные клады украшений. Одним из самых известных является **Тиханкинский**, найденный на Тиханкинском I городище «Синче сът» в 1898 г.⁶⁶ Клад состоит из следующих вещей. Две плоские круглые бронзовые бляшки с петлями на обратной стороне (рис. 4: 1–2). Крупная круглая ажурная бляха (диаметр 10 см) с небольшими полусферами и мелкими округлыми отверстиями по краю, украшенная двумя рядами треугольных отверстий вокруг центрального круглого (рис. 4: 3). Пять круглых ажурных блях средних размеров (диаметр 5,5 см), с небольшими полусферами по краю, двумя рядами треугольных отверстий вокруг умбоовидной выпуклости по центру и двумя парными петлями на обороте (рис. 4: 4). Лапчатые подвески — две целые и две укороченные (рис. 4: 5–7). Мелкая умбоовидная бляшка с выпуклостью посередине, с полусфе-

рами по краю и петель на обратной стороне (рис. 4: 8). Четыре небольшие умбовидные бляшки с веревочным орнаментом по краю и петель на обратной стороне (рис. 4: 9). Круглая уплощенная обломанная ажурная бляха с отверстием посередине, украшенная тремя крутами «веревочки» и волутообразным орнаментом (рис. 4: 10). Круглая умбовидная бляшка с полусферами по периметру, веревочным орнаментом вокруг умбоа и крючком на обратной стороне (рис. 4: 11). Ремешок, обжатый пропизями и обоймицами (рис. 4: 12). Эполетообразная застежка с умбовидной задней бляхой с 16 пуговковидными выступами по краю и 5 жгутами, орнаментированными веревочным орнаментом (рис. 4: 13), и обломанная застежка, от которой сохранилась часть задней бляхи с «умбоном» по центру, украшенная веревочным орнаментом, с 15 пуговковидными выступами по краю (рис. 4: 14) (УОМК. Инв. № 6425). Таким образом, клад представляет собой набор железных украшений (накошник, поясная застежка, лагрудные и поясные украшения).

Круглые ажурные бляхи-застежки в разных вариантах и размерах представлены в материалах памятников писеральско-андреевского круга⁶⁷, в пьяноборской культуре⁶⁸. Подобные ажурные застежки известны в материалах женского погребения 33 Конгибеевского могильника (раскопки В.Н. Глазова)⁶⁹, относящегося по вещевому комплексу к группе А (по И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедову), то есть к концу I — первой половине II вв.⁷⁰ Хронологическое значение имеют эполетообразные застежки (типа 663 по Т.А. Лаптевой), датирующиеся I в. до н.э. — I в. н.э.⁷¹ Почти полная аналогия встречается в материалах бассейна Вятки I—II вв.⁷² Застежки считаются культуроопределяющим предметом пьяноборской культуры⁷³ и за пределами пьяноборского ареала известны в двух комплексах кара-абызской культуры, где использовались в качестве колчаных крючков⁷⁴. Несмотря на их присутствие, отнести комплекс к пьяноборской культуре мешает отсутствие на городище (как и вообще на правобережье Волги) пьяноборской керамики.

Такого же рода комплексом является, видимо, **Янмурзинский клад** из Красноармейского района Чувашии. Набор вещей был обнаружен жителем д. Янмурзино Л.Ф. Якимовым в овраге в 500 м к западу от деревни и передан Чувашской

археологической экспедиции (Б.В. Каховский) в 1980 г. Условия местонахождения клада остались неясными. Заложенный экспедицией на месте находки шурф не дал результата⁷⁵.

Клад состоит из девяти лапчатых подвесок (рис. 5: 1), тринадцати парных рифленых выпуклых пронизей с планками на обороте (рис. 5: 8), четырех рифленых тройных выпуклых пронизей с планками с обратной стороны (рис. 5: 7), трех фрагментов многозвеньевых умбоновидных бляшек с петлями на обороте (рис. 5: 6), восьми круглых плоских блях с петлями с обратной стороны (рис. 5: 2–5), двух застежек с неподвижной иглой: овальной формы, прогнутой, с двумя пуговковидными выступами, веревочным орнаментом по периметру (рис. 5: 9), и круглой, плоской, с ямочными вдавлениями на поверхности, с круглым шпеньком на обороте (рис. 5: 10)⁷⁶. Таким образом, в составе клада вновь присутствуют детали женского головного убора, поясные застежки и украшения.

Круглые плоские бляхи с петельками на обратной стороне являются одними из самых распространенных находок как среди древностей писеральско-аппресовского круга⁷⁷, так и древностей пьяноборского облика⁷⁸. Известны они и в ранних погребениях Кошибеевского могильника⁷⁹. Лапчатые подвески данного типа, близкие застежки с неподвижной иглой, бляшки и пронизь также известны по материалам пьяноборской культуры⁸⁰. Подобные пронизь и аналогичные лапчатые подвески есть в материалах погребения 33 Кошибеевского могильника⁸¹, относящегося к концу I — первой половине II вв. (см. выше). Близкая аналогия застежке с неподвижным крючком I типа обнаружена в материалах вятских могильников I—II вв. н.э.⁸² Концом I—II вв. Н.А. Лещинская датирует также и многозвеньевые бляшки⁸³.

Наряду с Чувашией, на территории Среднего Поволжья в начале I тысячелетия находки кладов на поселениях довольно часты (Долматовское и Шатришенское городища на Оке, Мончипский клад). По мнению И.Р. Ахмедова, «сравнительно небольшое количество изделий (в кладах. — Н.М.), представляющих собой элементы декора головного убора, украшений шеи и груди (женщины. — Н.М.)... несли... идеологическую нагрузку, возможно, являясь жертвами при освоении нового места... строительными или сакральными»⁸⁴. Таким образом, культурно-исторический контекст вышеописанных

археологических кладов на территории Чувашии конца I—III вв. в том, что они маркируют процесс расселения в регионе писеральско-андреевского населения.

Кроме указанных памятников, на территории Чувашии зафиксирован ряд *единичных находок* рассматриваемого времени.

На высоком плато к ЮЗ от с. Яндашево (на территории современного г. Новочебоксарск) в 1926 г. разведочным отрядом СВЭ ГАИМК (В.Ф. Смолин) были найдены пряжка в виде шлюско-выпуклого кольца, перетянутого посередине пластинкой, украшенной веревочным орнаментом, с выступом в виде шляпки на поверхности (часть кольца отломана) (рис. 5: 27), и медная спираль (рис. 5: 28)⁸⁵. «Пряжка» является застежкой с неподвижным крючком, характерной для I—II вв. н.э. Близкая встречаена в материалах бассейна р. Вятка⁸⁶.

На территории Большеянгильдинского селища на I штыке раскопа XIV в 1961 г. была обнаружена обломанная эполетообразная застежка (рис. 5: 29), отнесенная к ананьинскому времени⁸⁷. Застежка относится к типу 5 (по Т.А. Лаптевой) (с крутой задней бляхой, одним основным и двумя дополнительными жгутами) и датируется I в. до н.э. — I в. н.э.⁸⁸

В 1988 г. на **Яперинском городище** экспедицией ЧНИИ ЯЛИЭ (Е.П. Михайлов) в разведочных шурфах был найден обломок бронзовой бляшки «пятоборского типа» с веревочным орнаментом и двумя шутковидными выступами с лицевой стороны (рис. 5: 30)⁸⁹. Вероятно, находка представляет собой обломок застежки с неподвижным крючком подовальной или подпрямоугольной формы. Подобные известны по пятоборским материалам⁹⁰.

В 2013 г. археологической экспедицией ЧГИГН (Н.С. Березина) был открыт многослойный памятник в окрестностях д. Девлетгильдино (Мариинско-Посадский район). В заложенном шурфе были обнаружены фрагменты лепной керамики I тысячелетия, а местные жители передали экспедиции найденные на территории селища бронзовые предметы: обломок подвески-псевдоцифры (рис. 5: 31), выпуклую бляшку с петлей на обратной стороне (рис. 5: 32) и шлюскую круглую бляшку с двумя петлями на обороте (рис. 5: 33). Как отмечалось выше, данные находки типичны для писеральско-андреевского горизонта.

В 1955 г. сотрудником ЧКМ А.Н. Львовой около д. **Нижние Кожары** (Красноармейский район), на холме *Сивё ту* на месте чувашского кладбища была найдена «бронзовая подвеска в виде большой овальной, украшенной плетенкой петли и двух выпуклых крутых блях в нижней части» (рис. 5: 36)⁹¹. Данная «подвеска» относится к так называемым ажурным литым застезкам с мицалевидной рамкой, известным по пьяноборским и писеральско-андреевским материалам⁹².

Близка к предыдущей ажурная застезка чуть меньшего размера из экспозиции ЧНМ (рис. 5: 35) (номер и местонахождение неизвестны).

Схожего типа застезка с мицалевидной рамкой с веревочным и путовковидным орнаментом и двумя округлыми выступами в нижней части рамки (рис. 5: 34) известна с территории *бывшего Цивильского уезда* по публикациям А.П. Смирнова⁹³ и А.Х. Халикова⁹⁴. Подобные застезки известны по материалам Пильнинского и Писеральского курганных могильников, Пильнинского I могильника и Андреевского кургана⁹⁵.

Таким образом, картографирование находок и памятников I–II вв. (рис. 20) подтверждает мнение А.Х. Халикова о плотном заселении территории современной Чувашии писеральско-андреевским населением. Представляется, что регион Нижнего Посурья был центром распространения носителей данной культурной традиции на соседние территории. Эта миграция перекроила этническую карту Западного Поволжья и открыла новый период в его истории, который можно смело назвать эпохой «обретения родины» волжскими и окекими финнами. Изучение данного культурно-хронологического горизонта, несомненно, принесет еще много открытий.

Формирование ранней мордвы в Чувашском Поволжье (по материалам Седимиркинского и Таутовского могильников)

Этногенез мордовского народа давно привлекает внимание исследователей. На современном уровне научного знания археология прочно увязывает этот процесс с появлением древностей писеральско-андреевского круга в конце I – начале II вв. Однако собственно древнемордовская археоло-

гическая культура окончательно сформировалась лишь к III в. н.э. Маркирует этот процесс появление такого знакового, культуруопределяющего украшения, как височная подвеска с грузиком, которая, видоизменяясь, просуществовала до конца XII в.⁹⁶ Таким образом, между появлением культуры ранней мордвы и писеральско-андреевским горизонтом была определенная хронологическая лакуна. В.В. Гришаков впервые обратил внимание на то, что на территории Нижнего Понурья имеется ряд комплексов, которые могли бы ее заполнить: погребение 3 Таутовского могильника и ряд погребений Сергачского могильника «Кожина Слобода»⁹⁷. Исследования последних лет подтвердили эту гипотезу. Ключевыми для выделения данного горизонта на территории Чувашии являются грунтовые могильники Таутовский и Сандимиркинский.

Таутовский могильник располагается на краю высокого левого берега небольшой речки *Чулуй сьрми* и впадающего в нее оврага на склоне холма *Симанькка сучё* в Аतिकовском районе Чувашии (рис. 20).

В 1956 г. было исследовано одипочное женское захоронение (погребение 3)⁹⁸. Ряд предметов из разрушенного могильника был собран местными жителями и попал в Таутовскую школу в 1990-х гг. В 2005 г. членами краеведческого кружка д. Чувашская Сорма (Е.Л. Ефимов) в разрушающейся стенке песчаного карьера были обнаружены новые материалы⁹⁹. Еще несколько вещей зафиксировано в перемешанном слое песчаного карьера экспедицией ЧГИГН (Н.С. Мясников) в 2011 г.¹⁰⁰

Одним из характерных артефактов этого периода являются круглые бронзовые пластинчатые бляхи с радиальной прорезью, края которой завернуты в трубочку, с иглой и валиками вокруг центрального отверстия (в Таутовском могильнике они известны в погребении 3 (рис. 6: 21–22) и среди сборов 2011 г. (рис. 6: 23)). Подобные известны в древнемордовских, азелитских, мазушинских памятниках, в Копи-бесевском могильнике именно во II–III вв.¹⁰¹ По мнению В.В. Гришакова, происхождение блях связано с эволюцией широкорамчатых застёжек, известных в пятаборских древностях и во впускных погребениях Андреевского кургана¹⁰². Со второй половины III–IV в. количество валиков и размеры

бляхи увеличиваются, появляются бляхи с двумя зонами валиков вокруг центрального отверстия¹⁰³.

На данном этапе также появляются вышеупомянутые височные подвески с грузиком. В погребении 3 Таутовского могильника была найдена подобная подвеска из круглого в сечении стержня с биконическим грузиком на одном конце и спиралью в три оборота на другом (рис. 6: 18). Две идентичные подвески были обнаружены в одном из погребений Сендимиркинского могильника в 2013 г.¹⁰⁴ Близкие подвески известны по верхнесурским древнемордовским могильникам, по там стержень был обмотан тонкой округлой либо плоско-выпуклой проволокой¹⁰⁵. Прототипом их также может служить привеска с каплевидным грузиком из Андреевского кургана¹⁰⁶ или подвеска из Сендимиркинского могильника (см. ниже).

В погребении 3 был найден бронзовый пластинчатый перстень с песочкуватыми парными спиралевидными концами (рис. 6: 24), характерный для I хронологической группы ранних мордовских могильников¹⁰⁷ (конец II — первая половина III вв.)¹⁰⁸.

Интересна миска черно-серого цвета, тщательно заглаженная, местами залощенная, с примесями среднего и грубого шамота в тесте (рис. 6: 19). В рязано-окских древностях лощеные миски встречаются в комплексах III—V вв., где их появление связывается с позднелдяковским влиянием¹⁰⁹. На Дьяковском городище лощеные миски с близким профилем встречены на глубине среднего горизонта верхнего слоя¹¹⁰. Их появление Н.А. Крепке относит ко времени не позднее II — начала III вв. и связывает этот импульс с зарубиенским влиянием¹¹¹. Возможно, появление лощеной посуды на Нижней Суре связано с западным позднее зарубиенским-раннекиевским импульсом, который прослеживается в среднем течении р. Хопер (памятники типа «Шапкино — Иняево»), на севере Самарской области и в прилегающих районах Татарстана¹¹². Именно с ним И.Р. Ахмедов связывает ряд импортных изделий на верхнесурских древнемордовских памятниках¹¹³.

Из обнаруженных в 2005 г. предметов наиболее интересны детали конской амуниции и в первую очередь три бронзовых стержневидных псаля двух типов. Псалии первого типа (рис. 7: 2) известны в пьяноборских погребениях Западного Приуралья¹¹⁴, во рву Троицкого городища на глубине

III слоя¹¹⁵, что соответствует II–III вв. н.э.¹¹⁶, в Андреевском кургане¹¹⁷, I–II вв. н.э. они датируются в сарматских древностях Дона¹¹⁸, II–III вв. — в Северном Приазовье¹¹⁹. Наиболее близкой аналогией псалям 2 типа (рис. 7: 1) в лесной зоне можно считать бронзовые псалии из погребения 14 Опикинского могильника на р. Вятка¹²⁰, а в Причерноморье и степи — находки из Херсонеса, Керчи и кургана Валовый I¹²¹. На юге они датированы в основном в рамках конца I — начала II вв.¹²², однако в материалах лесных культур мы встречаем их вместе с позднесарматской ремешной гарнитурой (рис. 7: 7–16, 22, 23). Ближе всего данные находки к группе Па (по В.Ю. Маланеву) (первая половина III в.)¹²³. Нагайки с утяжелителями в виде круглых пайб (рис. 7: 18–21) также встречаются в сарматских погребениях с первых веков нашей эры и наиболее часто во II–III вв. н.э.¹²⁴

Горшок типа А156 (по В.В. Гришакову) (рис. 7: 4) из данного комплекса наиболее близкие аналогии имеет в материалах Андреевского кургана второй половины I — начала II вв. н.э.¹²⁵ и Пензенских могильников III — первой половины IV вв. н.э.¹²⁶

Из предметов, хранящихся в Таутовской школе, хронологическое значение имеет бронзовый круглопроволочный браслет с расплюснутыми, заходящими друг за друга концами, с пасечками в виде слочки на внешней поверхности (рис. 7: 3), характерный для I хронологической группы древнемордовских могильников (по В.В. Гришакову)¹²⁷.

Интересен также обломок железного однолезвийного клинка (палаша) с навершием в виде рожек (рис. 7: 6), прототипами которого могли быть однолезвийные сарматские клинки. Аналогии палашу известны в погребениях пьяноборской, кара-абызской, сарматской культур, в Копицеевском могильнике¹²⁸ и разрушенном погребении Сергачского могильника «Кожина Слобода»¹²⁹. С.О. Зубов датирует их I–III вв. н.э.¹³⁰

Из сборов 2011 г. важное значение имеет бронзовая пряжка (рис. 6: 25), которая представляет собой одну из модификаций ранних провинциально-римских сложносоставных пряжек, известных в Центральной и на юге Восточной Европы¹³¹. А.А. Труфанов датирует их второй четвертью II — началом III вв.¹³² Бытование данного типа на варварской це-

риферии античного мира несколько сменяется по времени, большинство находок подобного рода обнаружено в погребениях конца II — первой половины III вв.¹³³ Несмотря на однозначно южный (видимо, сарматский) импульс появления подобной пряжки на Нижней Суре, приемы ее оформления («жемчужины» и своеобразная «зернь») более характерны для финских древностей Среднего Поволжья. В одном наборе с пряжкой была обломанная накладка-зеркалка подпрямоугольной формы, с дугообразным верхним краем, жемчужным орнаментом и двумя-тремя рядами зерни, выдавленными с обратной стороны (рис. 6: 26).

Таутовские находки позволяют пополнить наши знания о ярком явлении II — первой половины III вв. — влиянии позднесарматской культуры на соседние народы — от Средней Азии до Средней Европы и от пермских лесов до Крыма и предгорий Кавказа. Данный процесс, как отмечает С. И. Безуглов, оказал сильное воздействие на облик социальной верхушки оседлых племен лесной зоны Волго-Камья¹³⁴. Видимо, разрушенные карьером погребения Таутовского могильника в Нижнем Присурье являются свидетельством того, что местная протомордовская элита, сохраняя свою этнографическую специфику, активно воспринимала позднесарматскую воинскую атрибутику.

Сендимиркинский могильник расположен в центральной Чувашии (Вурнарский район), у истоков р. Средний Цивиль, в 1,1 км к ЮЮЗ от окраины д. Сендимиркино и в 1,5 км на СВ от окраины д. Буртасы (рис. 20). Памятник находится на 2-й надпойменной террасе р. Средний Цивиль, на длинном и узком мысу у истоков р. Буртасыца.

В мае — июне 2012 г. ЧАЭ на памятнике были заложены два шурфа, изучено 5 погребений¹³⁵. В погребении 1 удалось зафиксировать остатки налобного венчика, представлявшие собой кожаный ремешок, обжатый бронзовыми обоймочками и пропущенный через выпуклую бляшку-скорлупку с петлей на обратной стороне (рис. 8: 36–41). Под ремешком с обоймочками располагались бронзовые пластинчатые рифленные лопастные подвески, напизанные на ремешок (рис. 8: 46–52). По всей видимости, в погребении 2 мы можем наблюдать остатки близкого типа венчика (рис. 9: 12–20). Аналогичный убор известен по материалам Пензенского могильника конца II —

середины III вв., изученного в 1930 г. И.Н. Спрыгиной¹³⁶. Близкие венчики известны и в других могильниках селищенского типа, которые В.В. Гришаков относит к I хронологической группе (первая половина III в.)¹³⁷.

Бронзовый браслет, изготовленный из дрота круглого сечения с расплюснутыми ланцетовидными концами, заходящими друг за друга (рис. 9: 9), также показателен для первой половины III в. верхнеэурских древнеморловских могильников (см. выше)¹³⁸, так же как и круглые бронзовые пластинчатые бляхи-застежки с круглым отверстием в центре и радиальной прорезью (найденны в погребениях 1, 2) (рис. 9: 1, 10).

В погребении 1 на правом виске погребенной располагалась бронзовая подвеска с обломанной спиралью из круглого стержня в полтора оборота на одном конце (обломах) и лопастью на другом (рис. 8: 4). Подвеска уникальна, так как форма лопасти в виде листа имеет много общего с пьяноборскими листовидными подвесками¹³⁹, а по количеству оборотов и размеру она ближе к каплевидной подвеске из Андреевского кургана¹⁴⁰ и древнеморловским подвескам.

Необычна для территории Чувашии крупная литая пластинчатая бронзовая подпрямоугольная бляха-пагрудник с валиком в центре, украшенным двумя рядами мелких прорезей, с четырьмя небольшими отверстиями неправильной формы по углам и бортиком по краю из погребения 1 (рис. 9: 2). Полные аналогии данным бляхам можно обнаружить на вятских памятниках, в частности в комплексах Ошкенинского могильника, где они датируются концом I—II в. н.э.¹⁴¹ и отличаются именно вятский вариант пьяноборской культуры¹⁴².

Интересны две крупные зеркальные бронзовые бляхи, круглые, слегка выгнутые, без орнамента, с круглым отверстием посередине, и мелкие зеркальные бляшки (рис. 9: 3—5, 7, 11). В пьяноборских древностях зеркала, очевидно, сарматского происхождения, являлись частой находкой и использовались в качестве пагрудных блях, наконечников пояса, резались/рубилась на подвески, бляшки, застежки. Также важное место в костюме они занимали в писеральско-андреевских, кара-абызских, раннеморловских древностях. Датируются в широких рамках I — середины III вв.¹⁴³

В Седлимиркинском могильнике имеются и другие венчики пьяноборского облика: умбоовидные бляшки с полуторонпи-

памяти (рис. 8: 1; 9: 8), бронзовая прямоугольная плоская бляшка с двумя петлями на обороте и орнаментом из двух рядов треугольных вдавлений по центру (рис. 8: 20). Последняя известна в качестве ремешковой накладки в некоторых погребениях пьяноборской¹⁴⁴ и кара-абызской культуры¹⁴⁵.

Расчет пропорциональности посуды показал наличие в комплексах миски типа Г216 (рис. 8: 45) и горшка типа А156 (рис. 8: 43), характерных для Андреевского кургана и ранне-мордовских могильников¹⁴⁶. Сосуд из погребения 5 относится к категории горшков А56 (рис. 8: 44), типичный для рязано-окского очага керамических традиций¹⁴⁷. После открытия и исследования широкими площадями Усть-Узинского 2 могильника выяснилось, что традиция формовки подобной посуды имеет на Суре соответствующие истоки и прослеживается с III в.¹⁴⁸ Напи исследования подтверждают данную точку зрения.

Таким образом, Селдмиркинский могильник может быть датирован II — первой половиной III в. н.э. и наиболее близок к погребениям I группы древнемордовской культуры на Верхней Суре (селкесенского типа). Большое количество пьяноборских вещей связано, видимо, с культурным наследием писеральско-андреевского населения. При этом в Селдмиркинском могильнике содержится ряд артефактов, неизвестных в памятниках типа «Писералы — Андреевка», так и в могильниках селкесенского типа (патрудная бляха, ремешковая накладка, височные подвески), что говорит в пользу локального своеобразия местной культуры. Очевидно, сильное влияние на формирование местной культуры оказывали и южные (сарматские) импульсы.

Древнемордовская культура в Чувашском Поволжье и загадка ее исчезновения

Еще с раскопок П.П. Ефименко Ивашковского могильника в 1926 г. Чувашское Поволжье включалось в территорию распространения древнемордовской культуры¹⁴⁹. Это признавали также Н.В. Трубилова, А.П. Смирнов, П.Д. Степанов и другие исследователи. В коллективной монографии «Финно-угры и балты в эпоху Средневековья» Таутовский, Сергачевский, Ивашковский могильники и городище Ножа-Вар отмечены как археологические памятники морд-

вы¹⁵⁰. В.И. Вихляев относит могильники Таутовский и Иваньковский к области распространения пражских оксосурских племен (IV–VII вв.)¹⁵¹. Р.Ф. Воронина выделяет нижнесурскую группу могильников древней мордвы (Сергачские I, II, Янданевский, Криушинецкий, Иваньковский могильники и погребение 3 Таутовского могильника)¹⁵². В.В. Гришаков рассматривает древнемордовскую культуру (III–VII вв.) в рамках существования трех локальных вариантов: верхнесурского, нижнесурского и тепского. К нижнесурской группе он относит Сергачские I, II, Таутовский, Иваньковский, Волчихинский могильники¹⁵³.

Мы считаем, что памятниками, которые, согласно современным разработкам, можно связывать с древней мордвой на территории Чувашского Поволжья, являются городище Ножа-Вар, вероятно, могильник на Криушинецкой дюне и Иваньковский могильник.

Сареевское городище «Ножа-Вар» расположено в Ядринском районе Чувашской Республики между д. Сареево и г. Ядрин, в 3 км к западу от деревни, неподалеку от заводского поселка (1958 г.), на левом берегу р. Сура, в лесу на мысовидном выступе (рис. 20). Памятник был открыт в 1927 г. сотрудником Антропологической комплексной экспедиции М.В. Воеводским (Москва)¹⁵⁴. В 1956 г. небольшие разведочные работы на городище были проведены П.Д. Степановым¹⁵⁵. В 1958–1959 гг. Сареевское городище было почти полностью раскопано 2-м отрядом ЧАО под руководством Н.В. Трубикиной¹⁵⁶.

Наибольший интерес представляет верхний основной слой городища, к которому относятся оборонительные сооружения и постройки, три захоронения, богатый вещевой материал.

Широкая круглая пластинчатая сюльгама треугольного сечения (рис. 11: 16) восходит к кругу изделий писеральско-андреевского времени¹⁵⁷. К этому же горизонту тяготеет и кольцевая застежка (рис. 11: 2) (см. выше).

Пластинчатая двучленная шарпирная фибула листовидной формы, с «гребнем» на корпусе и длинной осью, с рифлением, имитирующим пружину со сплюснутым, загнутым в трубочку примесиком (рис. 11: 1), относится к категории ранперимских шарпирных дуговидных фибул, датирующихся в основном ареале их распространения I в. до н.э. – I в. н.э.¹⁵⁸ Од-

нако на варварской периферии датировка данных фибул может отличаться, да и сама фибула далека по форме от классических.

С периодом I—III вв. мы связываем наличие в керамическом комплексе баночных форм посуды, весомой доли горшков типа А156 (рис. 12: 2, 3, 5, 6), большое количество слабопрофилированных сосудов (47,7 %).

Уникальной является бронзовая литая подвеска-лупинца с красной выемчатой эмалью геометрических очертаний, со сквозными прорезями (рис. 11: 36). По новым разработкам, лупинца может быть отнесена ко второй стадии развития восточноевропейских выемчатых эмалей — к когпу II — середине III вв. и связана с позднесарматскими-раннекиевскими древностями. В нашем регионе это памятники типа «Шапкино — Иняево» на Хопре или «Сиделькино — Тимяшево» в бассейне Большого Черемшана¹⁵⁹.

Основной слой, по нашему мнению, укладывается в период второй половины III—V вв. и связан с древнемордовской культурой. Так, керамический комплекс находит наибольшую близость с керамикой пензенской группы могильников третьего периода (по В.В. Гришакову) (IV — нач. V в.). Именно в это время здесь появляются мисковидные формы (общий процент которых доходит до 33,3), в том числе типа Г26и (рис. 12: 7) (12,8 %), высокие горшки типа А56 (рис. 12: 8, 9) (23,1 %), продолжают бытование местные сосуды А156 (7,6 %), доля орнаментированной керамики достигает 30,8 %, появляются тщательное заглаживание мисковидных сосудов, дресва и более мелкие примеси шмота с песком в качестве отощителей¹⁶⁰.

В материалах городища на кв. 122 (жилище № 2), на глубине около 20 см, зафиксирован клад железных украшений древнемордовского облика, состоящий из нагосника, вепчика (реконструкция автора), ожерелья из бус и браслета. Основу нагосника составляла умбоновидная бляха (рис. 11: 14), которая крепилась к головному убору с помощью продетых через отверстия на бляхе ремешков. От бляхи на спину спускались несколько ремешков, продетых через бронзовые спирали (рис. 11: 10), разделяемые на две ленты из нескольких ремешков, соединяющиеся бляшками (рис. 11: 12—13) и литыми ажурными рамчатыми бляшками с S-видным орнаментом (рис. 11: 11),

заканчивающиеся различными подвесками-уточками (рис. 11: 20–22). В целом, судя по общему облику, наборные наконечники подобного типа существовали в IV–V вв.¹⁶¹ Именно для мордвы характерно массовое использование подобного рода умбо-подобных блях в основе украшения¹⁶². Близкие наконечники из трех-четырех ремешков в пропизях, соединенных попарно пластинчатыми обоймами с привесками-уточками, известны в период 2б эволюции железного костюма окских финнов¹⁶³. Литые рамчатые пропизы с полусферическими украшениями и волотами в материалах вятских могильников датируются II–IV вв.¹⁶⁴

Венчик, по-видимому, состоял из продольно гофрированных пластинчатых подвесок с тремя капшелюрами и тремя горошинками (рис. 11: 6, 7), одетых на ремешок. Среди мордовских материалов привески с тремя капшелюрами В.В. Гришаков относит ко 2 хронологической группе (вторая половина III в.)¹⁶⁵. Подобные известны по материалам рязано-окских могильников¹⁶⁶. Здесь мы видим дальнейшее развитие лопастевидных подвесок, известных в материалах Седимиркинского могильника.

Сочетание золотостеклянных пропизей и мелких краснопастовых бус в кладе характерно для III, конца IV – начала V вв. в финских могильниках Средней Оки, верховьев Суры и Мокши¹⁶⁷.

В этом же комплексе был найден браслет из кожаной ленты, обмотанной бронзовыми спиралями, в которые вставлены крупные бочковидные бусины: две мозаичные, две краснопастовые и одна из синего стекла (рис. 11: 23–26). Браслет упикален для лесной территории, подражает по конструкции позднесарматским образцам и находит аналогии в материалах курганов 45, 99 могильника Покровка 10¹⁶⁸. По мнению В.Ю. Малашева и Л.Т. Яблоцкого, территория распространения спиралевидных пропизей с напизанными на проволоку бусинами – это Нижнее Подонье, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Зауралье и Центральный Кавказ, где они датируются в рамках III в.¹⁶⁹

Таким образом, наиболее вероятной датой выпадения клада является конец III – начало IV вв.

Кроме вещей из клада, в сооружениях и культурном слое городища были найдены и другие предметы. Для периода

IV–V вв. характерны две звездчатые (коробчатые) (рис. 11: 32) и коническая подвеска (рис. 11: 34)¹⁷⁰, украшение сюльгам парезками (рис. 11: 15)¹⁷¹, шейные гривны из железного дрота, обмотанного бронзовой проволокой с папуцешными через равное расстояние бронзовыми бикописческими бусинами (рис. 11: 39)¹⁷², круглодротовые бронзовые браслеты с песмыкающимися, прямообрезанными, слегка расширяющимися концами, украшенными слюшным орнаментом (рис. 11: 33)¹⁷³. Специфичны железные трехлопастные наконечники стрел (рис. 10: 1–2) ромбических очертаний гуньского времени (последняя четверть IV – первая половина V вв.) типов 1Аа и 1Ба (по И.П. Засецкой)¹⁷⁴. Интерес представляет также набор пряслиц с городища – 27 экземпляров, практически все бикописческие, что характерно для культур III–V вв. (памятники типа Тимяшева, ранний этап имениковской культуры)¹⁷⁵. В материалах городища *Ничке Сърче* нет ни одного пряслица данной формы.

Судя по венцам, городище существовало длительный период времени (либо несколько периодов) и в целом предложенная еще Н.В. Трубиновой датировка (со II–III по IV–V вв.) верна. Реконструкция наконечника из клада позволяет отнести его обладательнице к посетителям древнесмордовской культуры, другие венцы более широко представлены в волжскофинском мире.

В 1930 г. экспедицией СВФ ГАИМК (П.Н. Третьяков) между д. **Криуши** и устьем р. Апиш, на берегу Волги, на песчаной дюне длиной 1,5 км, выявлено «разрушенное ветром» женское погребение (рис. 20). На шее покойной находились бронзовая гривна, ожерелье из стеклянного позолоченного бисера и крупных красных пастовых бус, в области груди лежала кольцевая застежка, в ногах – небольшой орнаментированный глиняный сосуд¹⁷⁶.

Краснопастовые бусы и пропизи, изготовленные из тупых палочек в сочетании с золотостеклянным бисером (рис. 12: 15), типичны для III, конца IV – начала V вв. в финских могильниках Средней Оки, верховьев Суры и Мокши (см. выше).

Тордированная шейная гривна, сделанная из бронзового дрота, утончающегося к концам (рис. 12: 16), в рязано-океских древностях датируется концом III–IV в.¹⁷⁷ В могиль-

пиках Вятского бассейна аналогии встречаются в комплексах IV в.¹⁷⁸ Подобные гривны были обнаружены в материалах Селикесинского и Селикса-Трофимовского могильника IV в.¹⁷⁹

Горшок лепной, с примесью шамота в тесте, с грубо заглаженной поверхностью, украшенный насечками по краю венчика и орнаментом из пояса ямочных вдавлений и подковообразных фигур из таких же ямок на плече сосуда (рис. 12: 12), относится к типу А56 (по В.В. Гришакову) (см. выше) и I группе, подгруппе А, отделу I, серии I в классификации рязано-окской керамической посуды по О.С. Румянцевой¹⁸⁰ и датируется ею III – третьей четвертью IV в.¹⁸¹ Декор криушинского горшка очень близок к окской серии¹⁸².

Таким образом, разрушенное погребение на Криушинской дюне может быть датировано концом III – первой половиной IV вв. Культурная принадлежность комплекса остается неясной ввиду отсутствия ярких индикаторов, хотя горшок представляется типичным для окских фишнов. Остается только сожалеть о том, что памятник уничтожен временем.

Самым крупным и ключевым для характеристики древнесмордовской культуры на территории Чувашского Поволжья является **Иваньковский могильник**, расположенный на левом коренном берегу р. Суры на окраине с. Ивашково Ядринского района (рис. 20).

Ещё в конце XIX в. местные жители находили здесь старинные вещи из бронзы и бусы, представленные на выставке ОАИЭ в 1882 г.¹⁸³ В 1926 г. СВЭ ГАИМК (П.П. Ефименко) было изучено 19 захоронений¹⁸⁴. В 1957 г. второй отряд ЧАЭ (Н.В. Трубинова) провёл небольшие раскопки, в ходе которых были обнаружены 4 погребения¹⁸⁵. В 1969, 1970 и 1972 гг. отрядом Чебоксарской АЭ (Н.В. Трубинова, Р.Ф. Воропина, Ю.А. Краснов и др.) исследованы 73 захоронения¹⁸⁶. В 2009 г. экспедицией Чувашского государственного университета (М.И. Федулов) проведены охранные раскопки, вскрыто 5 погребений¹⁸⁷. Всего в итоге исследований могильника выявлено 101 погребение.

Несмотря на масштабные полевые работы, фактически до настоящего дня опубликованными полностью остаются только материалы погребения 10, изученные П.П. Ефименко¹⁸⁸. Остальные материалы, полученные Средневолжской археологической экспедицией (САЭ), хранятся в Чувашском на-

циональном музее и доступны не в полном объеме, отчетная документация в фонде ИИМК утеряна. Материалы, полученные в ходе раскопок под руководством Р.Ф. Воропиной, были утеряны в 1990-х гг. в фондах ИА РАН. Единственным источником для работы остаются отчеты Н.В. Трубниковой и Р.Ф. Воропиной, статья П.П. Ефименко 1975 г. и рукопись монографии Р.Ф. Воропиной, любезно предоставленная автору для работы¹⁸⁹.

Большинство погребений содержит набор широко датирующихся вещей. Лишь некоторые погребения представляют возможности для более узкого датирования. Так, в погребении 65 была найдена бронзовая пряжка, В-образная рамка которой несколько расширена впереди, язычок несколько прогнут в средней части, конец выходит за пределы кольца (рис. 16: 20). Подобные пряжки («прикамского облика») характерны для периодов 2В–С развития мужского инвентаря окских финнов (вторая половина III — первая половина IV вв.)¹⁹⁰. Поясные накладки с кольцом (рис. 16: 16) бытовали в культуре рязано-окских могильников во второй половине III–V в.¹⁹¹ Близкие к лупинце пельовидные украшения из погребения 65 (рис. 16: 19) известны на стадии 2б (вторая половина IV — начало V вв.) в женском костюме окских финнов¹⁹². Подобные лупинцы известны в тулунское время (конец IV — первая половина V вв.) по материалам боспорских склепов¹⁹³. Вероятная дата погребения — середина или вторая половина IV в.

В погребении 67 зафиксирована бронзовая бляха с крышечкой с ромбовидной дверцей (рис. 17: 1). Судя по схеме эволюции женского убора рязано-окских финнов, подобные нагрудные бляхи появляются в период 2б (вторая половина IV — начало V вв.) и существуют в 3 периоде (V в.)¹⁹⁴. Бляхи с ромбовидной дверцей являются первыми формами данного украшения¹⁹⁵. Также в погребении найдена биметаллическая гривна с бронзовыми бусами, характерная для конца III — начала V вв.¹⁹⁶ культуры окских финнов. Аналогичные известны в могильниках Окско-Сурского междуречья¹⁹⁷. Венчик из бронзовых спиралей и обоймич представлял собою три кожаных ремешка с напизанными на них плотными бронзовыми спиралями из уплотненной проволоки. Эти спирали чередовались с бронзовыми обоймичами, в средней части имеющими

петлю для привесок (рис. 17: 5). По краям обоймиц проходил ряд ложной зерни. Головной венчик с подобными спиралями и обоймицами характерен для женских погребений культуры рязано-окских могильников конца III — начала V вв.¹⁹⁸ Таким образом, комплекс ближе всего к рубежу IV—V вв.

Для погребения 10 (раскопки П.П. Ефименко) наибольшее хронологическое значение имеет поясной набор с длинным ножом¹⁹⁹. Нож был в деревянных ножнах и закреплялся на ремне с помощью маленькой пряжки. Пояс имел четыре распределительных кольца и две сюльгамы с обоймами. От нескольких обойм вниз спускались ремешки (поясные кисти), продетые в спирали и заканчивающиеся коробчатыми привесками. От двух обойм ремешки со спиралями были направлены вверх и заканчивались обоймами с кольцевыми застежками, видимо, закрепляясь на одежде. Наконечник пояса представлял собой бронзовую, переплутую пополам пластину трапециевидной формы, с жемчужным орнаментом. Конец пояса был украшен накладками в виде прямоугольных пластин²⁰⁰ и калачиковидными серыми, обращенными концами друг к другу. На поясе была бронзовая пряжка, судя по рисунку, с округлой рамкой круглого сечения, круглым в сечении хоботовидным язычком и трапециевидным щитком. Место перетгиба охватывает заднюю часть рамки и имеет прямоугольный вырез для язычка. Близка к пряжке из погребения 79 могильника Кораблино, датированной первой половиной V в.²⁰¹ Традиция использования коробчатых подвесок в качестве поясных кистей характерна для древнемордовской культуры²⁰². Подобные четыре кольца-распределителя с пластинчатыми обоймами в комплексе с кольцевыми застежками с такой же обоймой известны в волжскофилеских материалах в погребении 5 Степановского могильника²⁰³, среди подъемного материала из Тезиковского могильника²⁰⁴. В погребении 70 Армиевского некрополя мы видим более упрощенный вариант такого наборного пояса — с двумя обоймами на кольце, крепившемся к одежде с помощью кольцевой застежки. Близки к ним также наборные пояса из Младшего Ахмыловского могильника²⁰⁵. Таким образом, наиболее вероятной датой погребения 10 является первая половина V в. Оно содержит ряд престижных вещей, в том числе воинской субкультуры (пояс, длинный нож, копье и втульчатый топор), что говорит о высоком социальном статусе погребенной и ее ребенка.

В погребении 59 обнаружены железные удила (рис. 15: 8). Судя по рисунку, концы удили согнуты в кольца (тип Ia по И.Р. Ахмедову), трезглы Г-образные, с шишечкой на запятом конце. Близкие к ним удила известны в погребении 8 Никитинского могильника конца V — начала VI вв.²⁰⁶ Аналоги этому комплексу, изготовленные из железа, найдены в Нижнем Поволжье, в сарматских курганах²⁰⁷ и в погребении начала V в. на Беляусе, в Крыму²⁰⁸.

В погребении 40 присутствовали кольца-распределители, вероятно, от головного убора (рис. 13: 18–20), выделенные И.Р. Ахмедовым в 3 группе погребений рязано-окских могильников²⁰⁹. Исследователь считает такие уборы деталями крестовидных диадем и отмечает присутствие подобных украшений, изготовленных на простых кольцах с овальными или прямоугольными обоями, в волжскофинских погребениях середины V — начала VI вв.²¹⁰

Два железных погребения содержали характерный для рязано-окского железного костюма (в короткий промежуток времени) тип украшения — гривну с коробками. Это погребения 55 и 57. Железная гривна с бронзовой проволокой из погребения 55 (рис. 14: 6) имела шесть бронзовых папукных бусин. Диаметр коробочки 6,7 см, судя по рисунку, жемчужин пять, они одинаковые по размеру (тип B5 по И.В. Белоцерковской). Гривны данного типа были характерны для конца V — начала VI вв.²¹¹ Близка к ним гривна из погребения 57 (рис. 15: 5) (B6 по И.В. Белоцерковской). Увеличение размеров коробки и упрощение декора в целом характерны для последнего периода бытования гривен, то есть также для конца V — начала VI вв.²¹²

О последнем периоде существования могильника можно судить по погребению I (раскопки 2009 г. М.И. Федулова), которое содержало в комплексе серебряную серповидную гривну с ребром²¹³. Подобные гривны появляются в культуре рязано-окских финнов в конце периода 3 — начале 4²¹⁴, то есть в VI — первой половине VII в. Этим же периодом датируются комплексы, содержащие сюльгамы с вытянутыми трубочками («усами»): погребение 27 (раскопки Р.Ф. Ворошиной) (рис. 13: 10–11) и ряд других.

Особенно интересен набор случайных находок местных жителей 1957 г.²¹⁵ Его составляли серебряная бляха-застежка

с тремя валиками, с крылатой иглой, с длинными трубчатыми гофрированными концами — «усами» (рис. 18: 1), с подвижной иглой, в основании которой имеются широкие выступы-крылья, ornamentированные рельефной линией-жемчужиной и насечками, двусоставные удила с однопетельчатыми S-видными псалиями (рис. 18: 24), стремена (рис. 18: 25), кельт (рис. 18: 26), пожи (рис. 18: 4–5), сюльгамы с «усами» (рис. 18: 7–10), пряжка (рис. 18: 9), серебряные ремешные пакладки (рис. 18: 11–23), бронзовые шипцы (рис. 18: 8), оesselок (рис. 18: 3).

Крылатые застёжки известны с VII–VIII вв. н.э. и бытуют до X в. у мордвы, мери, муромы, вятичей и рязано-окских финнов²¹⁶. Застёжки с большим диаметром бляхи и широкими лопастями-крыльями характерны для VIII–X вв.²¹⁷ Удила с S-видными псалиями известны в могильниках Северного Кавказа, аланских древностях Подонья, мордовских погребальных памятниках VIII–X вв.²¹⁸ Стремена, аналогичные иваньковским, были распространены в степях Евразии во второй половине VII в. н.э.²¹⁹ Овальные и прямоугольные ремешные пакладки относятся к кругу геральдических украшений. В целом набор датируется второй половиной VII–VIII в.

Для определения культуры населения, оставившего Иваньковский могильник, наибольшее значение имеют детали женского костюма и керамика. В ряде погребений найдены височные подвески с большим количеством оборотов (до 5), с длинным, обмотанным проволокой стержнем и уплощённым округлым грузиком (рис. 16: 3; 17: 2), и подвески с вытянутым каплевидным грузиком (рис. 15: 1). Привески с грузиками такой формы известны только по материалам Иваньковского могильника. Видимо, своеобразие нижегородского локального варианта, отмеченное ещё на предыдущем этапе, сохранялось и в последующее время. Подвеска в полтора оборота с проволочной обмоткой и грузиком бипирамидальной формы встречена в погребении 10 (раскопки П.П. Ефименко) первой половины V в.²²⁰ Бипирамидальный грузик распространяется в мордовских захоронениях с середины IV в.²²¹ Р.Ф. Ворошица отмечает и подвески с биконическим грузиком (рис. 16: 4). Интересно присутствие в двух погребениях Иваньковского могильника такого статус-

ного жезекого украшения, как гривна с коробкой. Данный тип гривны имел широкое распространение в рязано-окской среде, хотя несколько экземпляров известны и в Армиевском могильнике. Любопытно сочетание в погребении 58 данной гривны с височной подвеской мордовского облика.

Керамика из Иваньковского могильника доступна автору по неопубликованным материалам в количестве 4 экз. В.В. Гришаков считал, что сосуды пропорций А5б (погребение 37) (рис. 17: 8) и А8б (раскопки П.П. Ефименко, погребение неизвестно²²²) (рис. 17: 10) имеют «решающее значение» для выделения рязано-окского очага²²³. Миски типов Г23с (погребение 18) (рис. 17: 9) и Г23п (погребение 61) (рис. 17: 11) встречены в погребениях Безводниевского могильника. По мнению В.В. Гришакова, это гибридные формы, сложившиеся под влиянием традиций поволжско-тешского очага (Абрамовский могильник)²²⁴. Особенно интересна миска из погребения 61, судя по рисунку, лощеная, с ребром. В конце IV — начале V вв. лощеная посуда с «зигзагообразным профилем» появляется на памятниках Верхнего Подонья (типа «Чертовинское — Замятино»), Поочья (Никитинский могильник), в древнемордовских материалах, что связывается А.М. Обломским с миграцией черняховского населения на восток после распада державы Германариха²²⁵. Однако данная миска далека от оригинала и скорее является местным подражанием.

Таким образом, судя по характерным элементам жезекого костюма (в первую очередь по такому важному в эпоху Средневековья этномаркеру, как височные подвески), следует признать Иваньковский могильник древнемордовским (впрочем, со своим вариантом данного украшения). Его широкая датировка укладывается в рамки IV—VIII вв.

На ранних этапах (III в.) главным культурным импульсом для древнемордовского населения Нижней Суры был южный, видимо сарматский. Начиная с IV—V вв. мы наблюдаем определенное рязано-окское влияние (горшок с Криушской дюпы, гривны с коробками), связанное, видимо, с безводниеско-ахмыловеской группой памятников. Местное население поддерживало контакты и с камскими финнами, свидетельством чему являются В-образные пряжки в двух комплексах могильника, а также поздний вариант лапчатой подвески из погребения 63, находящей аналогии в мазупин-

ских²²⁶ и азелинских²²⁷ материалах. О локальном своеобразии нижнепесурского варианта древнемордовской культуры и Иваньковского могильника конкретно, кроме локальных вариантов украшений, говорит большой процент кремаций (более половины погребенных, тогда как на Верхней Суре и на Теше менее 10 %)²²⁸. Это могло быть связано с близким соседством с имельковской археологической культурой, известной как на Средней Суре, так и восточнее, в Присвяжье.

Материалы позже VIII в. на территории Иваньковского могильника неизвестны. Картографирование мордовских погребальных памятников этого времени показывает миграцию населения с Верхней и Нижней Суры на запад²²⁹, где и сформировались окончательно отличия эрзя от мокши. Современная мордва-эрзя на этнической карте Чувашской Республики — явление более позднее, не ранее XIV в.²³⁰ Причины прекращения существования мордовских древностей в Чувашском Поволжье в конце I тысячелетия остаются неясными.

«Ранние славяне» на Суре? К вопросу об имельковских древностях в Чувашском Поволжье

Археологические материалы западной части Татарской АССР в особый вариант «поселгороденской» культуры первым выделил в 1951 г. Н.Ф. Калинин²³¹. Позднее он объединил в эту группу также памятники востока Мордовии, Ульяновской и Куйбышевской областей и отнес их к особой, восточнобуртасской культуре²³². Переименовать ее в имельковскую предложил в 1956 г. В.Ф. Генинг²³³. Первоначально ученый считал носителей имельковской культуры волжскими финнами²³⁴, а затем предложил гипотезу об их сибирских, тюркских истоках²³⁵. В 1964 г. П.Н. Старостин на конкретном археологическом материале показал разницу между имельковской культурой и «позднелгороденской» Марийско-Чувашского Поволжья — в топографии, системе укреплений, погребальном обряде и комплексе вещевого материала²³⁶. На основе полученных в ходе разведок по р. Цивиль материалов П.Н. Старостин пришел к выводу, что «территория Поволжья от Горького до Саратова, включаемая иногда в область позднелгороденской культуры, в середине I тысячелетия н.э. была заселена неод-

породными и в этническом, и в культурном отношении племенами»²³⁷. Происхождение именьковской культуры автор связывал с прилившим тюркскими племенами, ассимилировавшими местные финно-угорские²³⁸. Накопленные к концу 1980-х гг. материалы и комплексный анализ всех компонентов именьковской культуры позволили Г.И. Матвеевой в 1981 г. выдвинуть гипотезу о ее западных, зарубинецких (славянских) истоках²³⁹. В 1986 г., анализируя погребальный обряд, П.Н. Старостин также отказался от идеи восточных истоков именьковского населения²⁴⁰. В последнее время акцент больше делается на ее многотипный характер (славянский, тюркский, скифо-сарматский, финский и угорский компоненты)²⁴¹. Тем не менее большинство специалистов признает, что наиболее значимыми миграционными потоками, сыгравшими ключевую роль в сложении культуры, были западные (раннеславянские).

Оригинальные археологические памятники I тысячелетия в Посурье были выявлены П.Д. Степановым в ходе разведок 1945–1960-х гг. и первоначально оценивались им как мордовские²⁴². В 1960-х гг. исследователь включил их в территорию распространения именьковской культуры²⁴³. Им же были проведены крупномасштабные раскопки на городище Ош-Паидо и менее значительные по объему работы на городище Ашна-Паидо. В конце 1960 – начале 1970-х гг. памятники у с. Гуляшево (городище и селище Ашна-Паидо) были осмотрены Г.М. Буровым. Работы Г.М. Букова и П.Д. Степанова не затронули территорию Алатырско-Порецкого Посурья с близкими почвенными и растительными условиями.

В этой связи определенный интерес представляют сведения Ю.Б. Новикова – первого директора Алатырского краеведческого музея. В 1970–1980-х гг. он проводил ежегодные разведки в Алатырском районе Чувашии и на соседних территориях. За это время была собрана большая археологическая коллекция, хранящаяся в фондах музея. Ряд городищ и селищ в его дневниковых записях отнесен к именьковской культуре²⁴⁴.

В 1974–1977 гг. В.Ф. Каховским были открыты четыре поселения раннего железного века. На поселениях Стемасы I, Стемасы V, Алатырском городище, в Чуварлейских поселениях были найдены керамика, глиняные биконические пряслища, которые «сходны с подобными материалами с городищ-

ких городищ Чувашского Поволжья», как считал исследователь²⁴⁵.

После значительного перерыва экспедицией ЧГИГН (Н.С. Березипа) в 2000–2002 гг. был выявлен ряд новых памятников, отнесенных к раннему железному веку. В 2006 г. на многослойном памятнике Утюж I впервые в Чувашии был отмечен небольшой именковский керамический комплекс²⁴⁶. С 2009 г. ряд новых памятников I тысячелетия был открыт автором²⁴⁷. К именковским мы относим городища Алатырские I, II, селища Алатырское, Стемасы V, VII, VIII, Ивашково–Ленинские городища и селище «Шолом», Ивашково–Ленинское городище «Иваньковская Стрелка», Максеевское селище, селище Ильинский Родник (рис. 20).

Керамический комплекс данных памятников представлен фрагментами лепной посуды с очень плохо вымученным тестом, часто с кусочками непрожаренной глины. Поверхность сосудов не заглажена, грубая, стенки толстые. Среди примесей на ряде фрагментов выделяется крупный шлам. Обжиг довольно сильный: черепок плотный, звонкий. Цвет керамики чаще красновато-желтый, светлого оттенка, встречаются фрагменты либо серые, либо красновато-желтые снаружи и серые с внутренней стороны сосуда. Реконструируемая форма сосудов — горшковидная, венчики отогнуты наружу (рис. 19: 7, 8, 11). Выделяются формы с прямым горлом, с крутыми плечиками (рис. 19: 10), пехарообразные для древнемордовского керамического комплекса. Кроме фрагментов глиняных сосудов, следует отметить фрагменты керамических крышек (рис. 19: 1, 3, 5). Также специфичны подтощенные пряслища с большим отверстием (рис. 19: 2). На Максеевском селище зафиксирована фигурка животного (рис. 19: 6), а на городище Шолом — характерный прямоспиральный нож, без уступа при переходе к ручке (рис. 19: 4). Данные артефакты являются определяющими для именковской культуры²⁴⁸.

Таким образом, северная граница сурской группы именковской культуры требует уточнения. Возможно, преградой на пути дальнейшего распространения на север данного населения была зона широколиственных лесов северной части Чувашии и Нижегородской области, плотно заселенная волжскими финнами, а с востока — Присурский хвойный район с непригодными для земледелия заболоченными и песчаными

почвами. П.Н. Старостин считал, что локальные группы именьковской культуры (нижекамская, самарская, сурская, романовская) не были территориально изолированными и что, возможно, межгрупповые территории также были заселены²⁴⁹. В этой связи перспективным является ряд памятников в Шемуршинском районе Чувашии и Дрожжановском районе Татарстана, открытых Р.Г. Фахрутдиновым²⁵⁰. Необходимы их определение с современных позиций и дальнейшие разведки в лесостепных районах юго-запада Татарстана и северо-запада Ульяновской области, так как именно в безлесных пространствах могли проходить пути миграции именьковского населения. Известен ряд средневековых сухопутных маршрутов через данные территории, которые могли использоваться и в раннем Средневековье. Например, путь войска Ивана Грозного на Казань в 1552 г.²⁵¹ или дорога, которую использовали погайские послы в XVII в.²⁵²

В последние годы все большего внимания заслуживают вопросы выделения раннего горизонта именьковских памятников. Благодаря исследованиям Д.А. Станискова убедительно доказано наличие в первой половине I тысячелетия в Среднем Поволжье нескольких этнокультурных групп, как сосуществовавших, так и вошедших в состав именьковской культуры. Так, на севере Самарской области и на ряде памятников на территории Татарстана обнаружены древности киевского типа. В Самарском Поволжье в настоящее время выделены позднескифские (I–III вв.) древности (типа Царева Кургана)²⁵³. Интересны предварительные результаты раскопок городища и селища Новая Беденьга I, II (Ульяновское Поволжье), в керамическом комплексе которых выделяются позднескифский и финно-угорский компоненты, а также новый, своеобразный тип керамики²⁵⁴. Материалы типа «Новая Беденьга» были выявлены и на других памятниках Ульяновского Поволжья²⁵⁵. Весьма близкий к данной группе памятников материал представлен на городище Иваньковская Стрелка и на Алатырских городищах и селищах.

Заключение

В докладе предпринята попытка по-новому взглянуть на этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–

VIII вв. н.э. Для этого был разработан рабочий вариант периодизации типов памятников и культур на рассматриваемой территории. Рамки научного доклада не позволили включить в исследование анализ топографии памятников, особенности домостроительства и погребального обряда, несомненно имеющие важное значение для выявления этнокультурных процессов. Упор был сделан на вещеведческие изыскания.

Вслед за рядом исследователей мы считаем, что с первых веков нашей эры территория лесной зоны Западного Поволжья вступает в качественно новый период своей истории, большую роль в котором сыграли посетители писеральско-андреевских традиций. Население, связанное с данной «военной миграцией» (по определению С.Э. Зубова, «военный выплеск»), сыграет выдающуюся роль в сложении древнемордовской культуры и формировании мощной группировки окских финнов. Автор датирует этот период I – серединой II в. и выявляет ряд новых материалов, которые можно к нему отнести (городище *Ничке Сърчэ*, Конарское селище, Тиханкинский и Ялмурзинский клады и ряд случайных находок). Приходится констатировать, что культура автохтонного населения Чувашского Поволжья начала нашей эры пока достоверно не зафиксирована.

В материалах окских финнов между писеральско-андреевским горизонтом и собственно классической культурой рязано-окских могильников выделяется переходный, «копибеевский» этап. Подобный период отмечается исследователями и в материалах вятского варианта пятаборской и азелинской культур в Опкинском могильнике. Автор выделяет его и на нижнеурских материалах. Для данного культурного горизонта предлагается новое наименование – памятники типа «Таутово – Селдмиркино» (синхронны могильникам селик-селского типа на Верхней Сура). На данном этапе происходил процесс выработки новых форм вещей на основе писеральско-андреевских и отдельных степных сарматских элементов. Вероятно также, что определенное влияние на местную материальную культуру оказали посетители позднесарбинецких-раннекиевских традиций.

На материалах городища Ножа-Вар, Криушинского и Иваньковского могильников сделана попытка уточнить хронологию древнемордовской культуры в Чувашском Повол-

жье. В целом она укладывается в III—VII вв., как и в других регионах расселения мордвы. Данные памятники обнаруживают наибольшую близость с верхнесурскими материалами, но со своими локальными особенностями. На иваньковских материалах фиксируются определенные связи с прикамскими финнами, а с IV—V вв. прослеживается юго-западное и западное влияния, что связано, по-видимому, с миграцией рязано-окских финнов в восточном направлении, отмечаемой исследователями. Данный процесс важен для понимания формирования древнемарийской культуры.

Очень перспективным направлением изысканий считаем выявление именьковских (IV — первая половина VII в.) и доименьковских (II—III вв.) памятников в Чувашии, особенно в ее лесостепной части. Первые исследования в данном направлении позволили отодвинуть границы сурского варианта этого культурного образования на север, по крайней мере до впадения р. Алатырь в Суру. Представляется, что и изучение юго-восточной Чувашии покажет более точные границы распространения носителей этой культуры.

Материалы последней четверти I тысячелетия в Чувашии практически неизвестны. Период конца VII—VIII вв. представлен лишь набором случайных находок с территории Иваньковского могильника. Почему перестал функционировать крупный нижнесурский очаг древнемордовской культуры, пока остается загадкой. Судьба сурской группы именьковской культуры также требует уточнения. Большой проблемой для дальнейшего изучения средневековых древностей Чувашского Поволжья является временная лакуна VIII—IX вв. Самые ранние материалы болгарского облика, полученные на Тиганевском городище, Криушинской дюне, в Алаткасинском могильнике, датируются уже домонгольским временем. Хазарский и раннеболгарский периоды не освещены и нуждаются в самом пристальном внимании со стороны исследователей. Именно их изучение должно показать характер развития местного населения, степень влияния на него со стороны соседей, миграционные и другие процессы, важные для понимания этногенеза современных народов края.

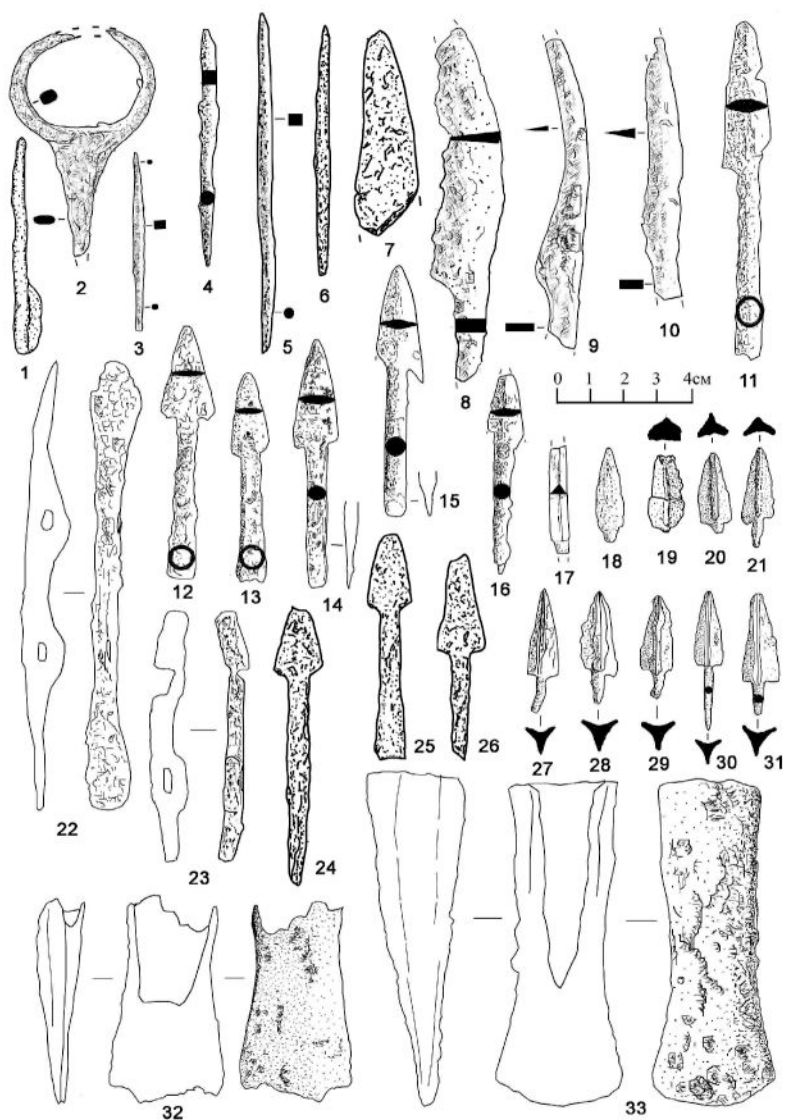

Рис. 1. Городище *Пичке Сърче*. Вооружение, детали конского снаряжения и орудия труда: 17 — кость, остальное — железо

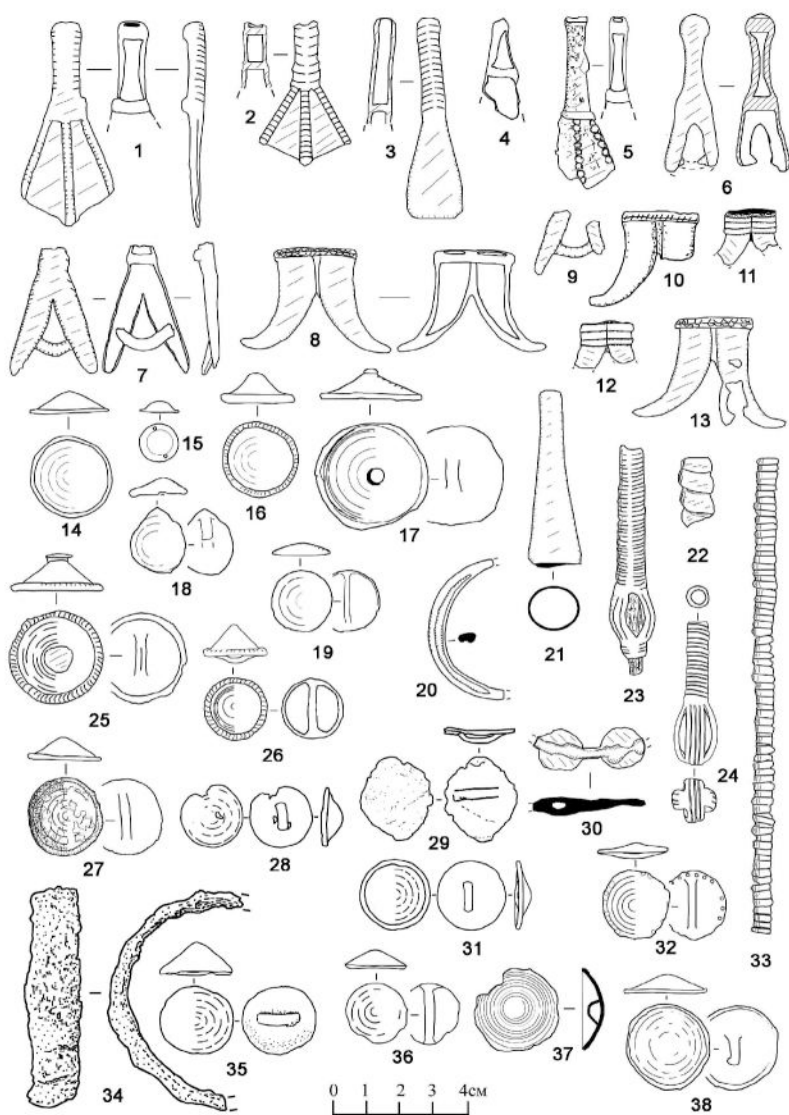

Рис. 2. Городище *Пичке Сърчѐ*. Украшения: 5, 27 – железо, бронза, 23 – бронза и дерево, 34 – железо, остальное – бронза

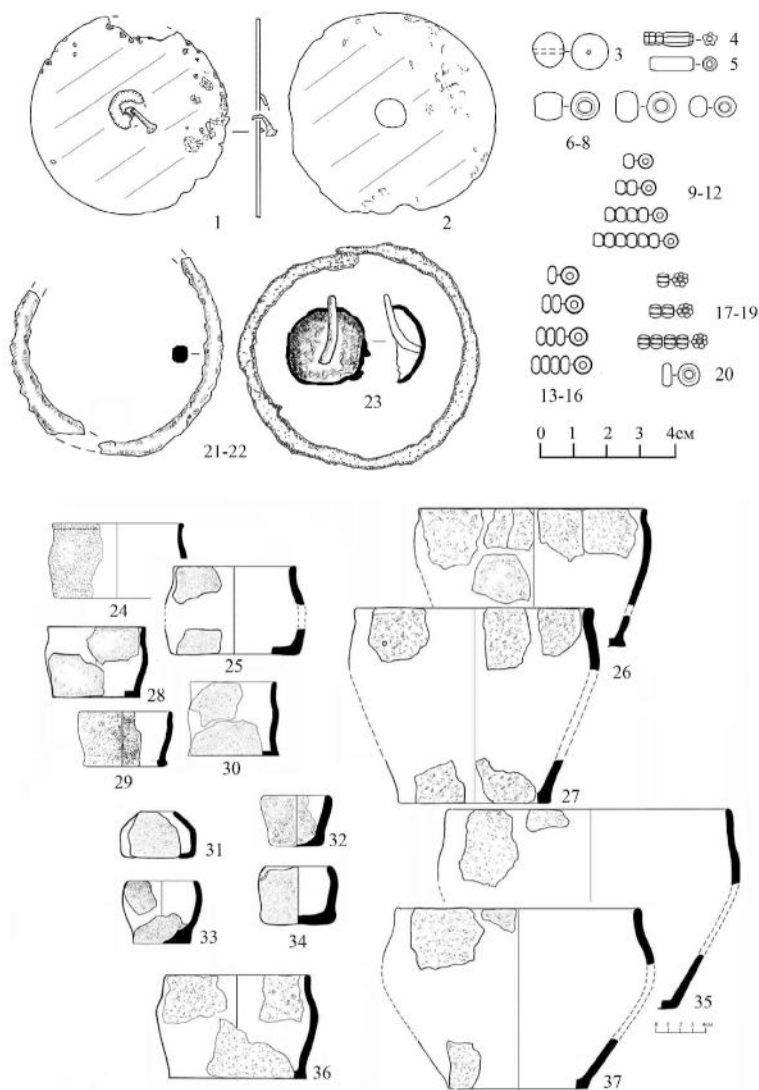

Рис. 3. Городище Пичке Сăрчѐ. Украшения: 1-2 – бронза, 3 – глина, 4-20 – стекло, 21-23 – железо; посуда: 24-37 – глина

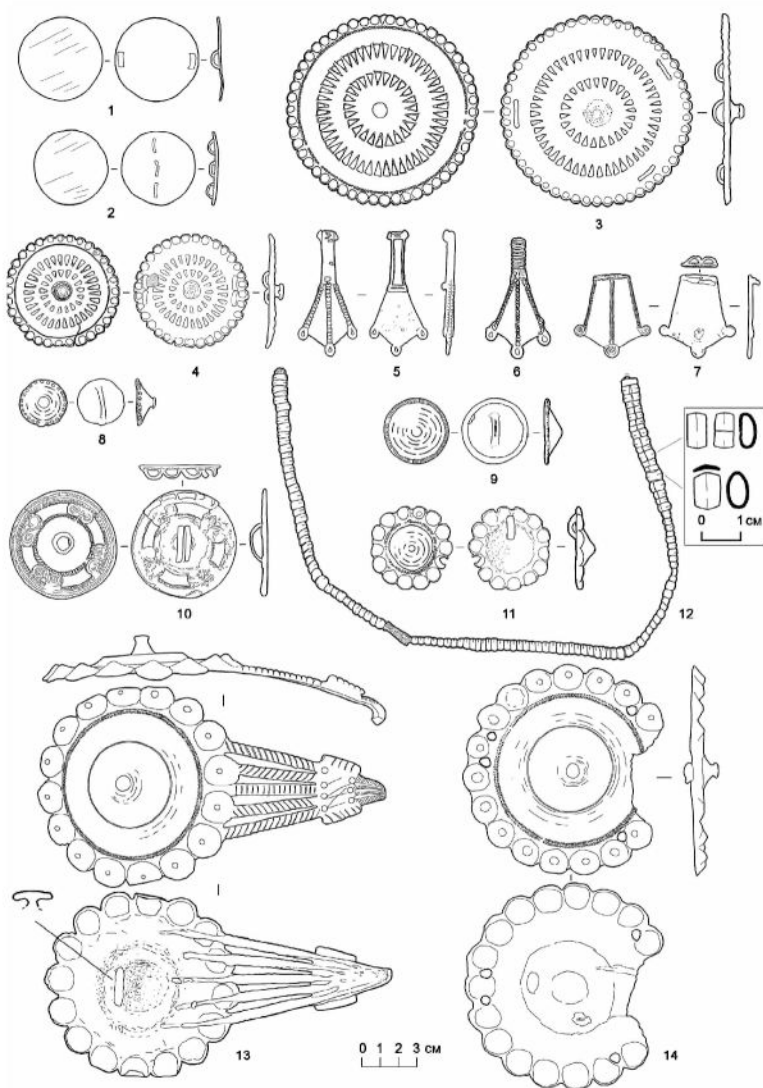

Рис. 4. Тиханкинский клад. Украшения. Бронза

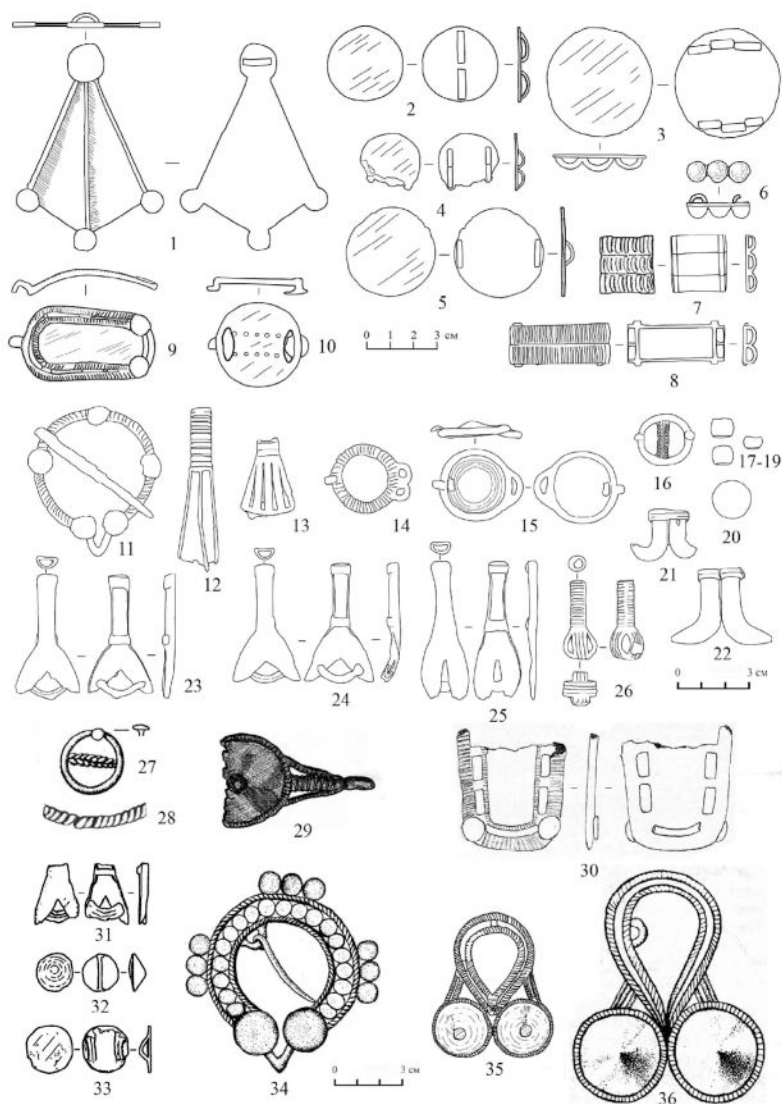

Рис. 5. Ямурзинский клад (1–10), Конарское селище (11–26), Яблашевское местонахождение (27–28) (по А.П. Смирнову и П.П. Ефименко), Большешингильдинское селище (29) (по В.Ф. Каховскому), Яшеринское городище (30) (по Е.П. Михайлову), Девлетгильдинское святилище (31–33), бывш. Цивильский уезд (34) (по А.П. Смирнову), ЧНМ (35), Нижнекожарский могильник (36) (по А.П. Смирнову). Украшения. Бронза

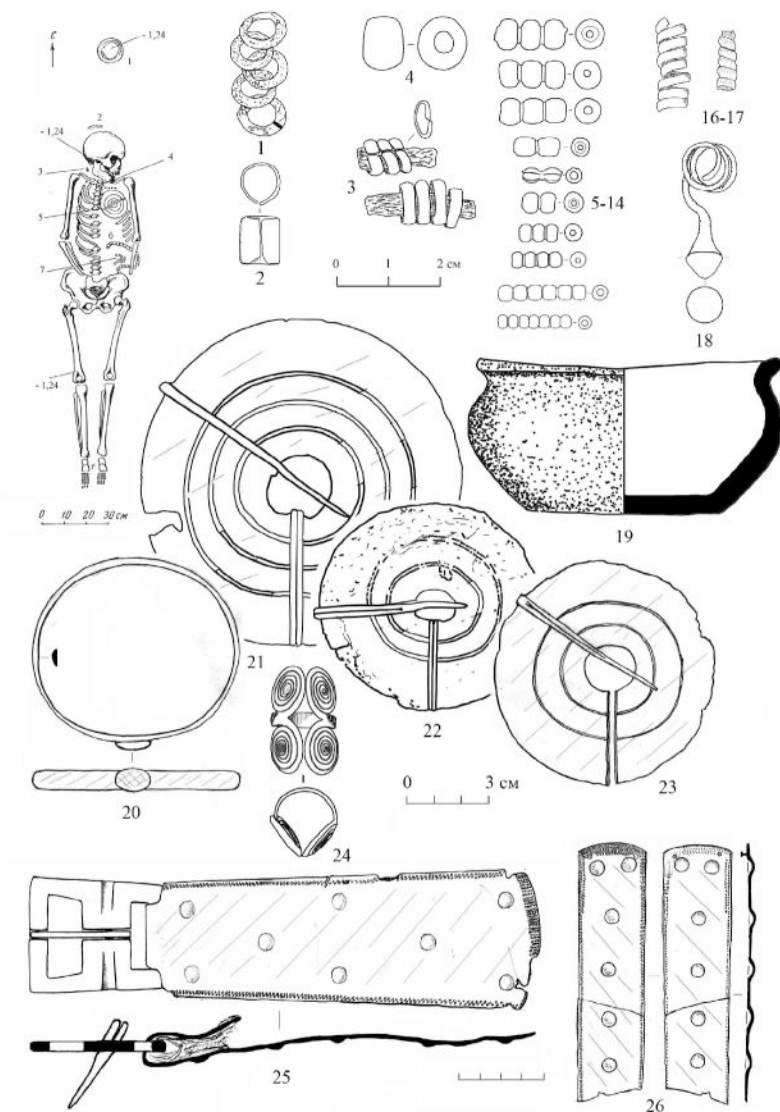

Рис. 6. Таутовский могильник: погребение 3 (1-19, 21-22, 24), сборы 2011 г. (20, 23, 25, 26). Украшения, посуда, ременная гарнитура: 1-3, 16-18, 20-26 – бронза, 4-14 – стекло, 19 – глина

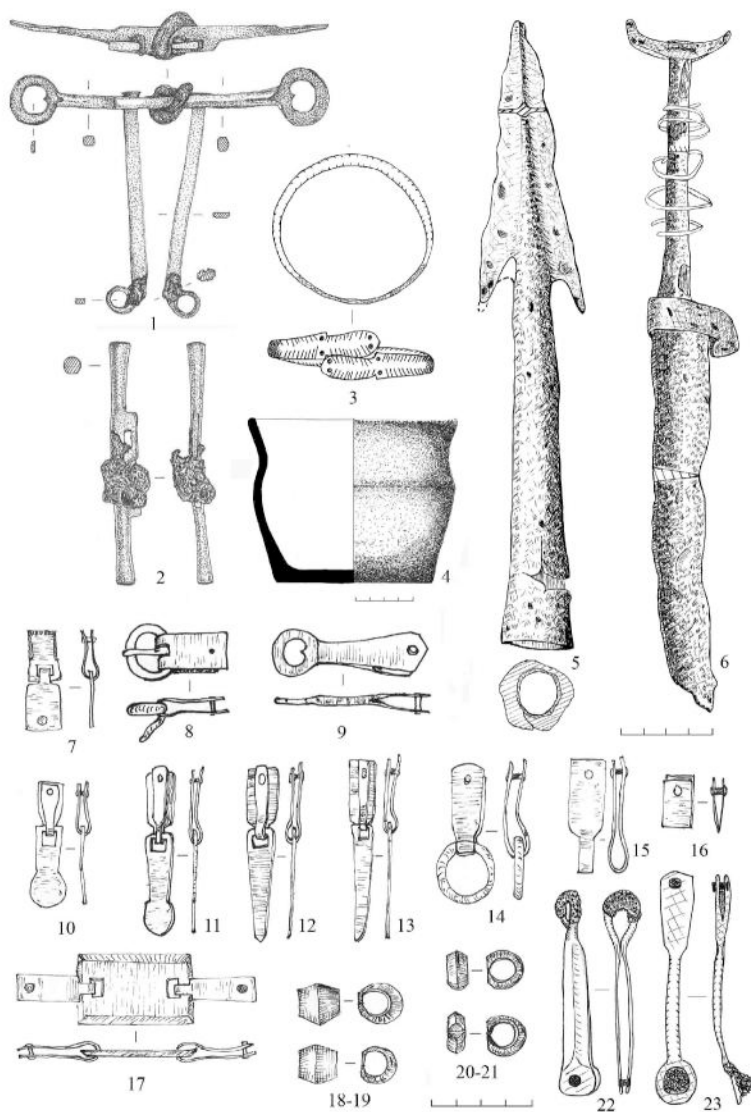

Рис. 7. Таутовский могильник: комплекс из раскопок 2005 г.
 (1, 2, 4, 7-23), находки из Таутовской школы (3, 5, 6).
 Конское снаряжение, украшения, оружие, посуда: 1-3 - бронза,
 4 - глина, 5-6 - железо, остальное - бронза

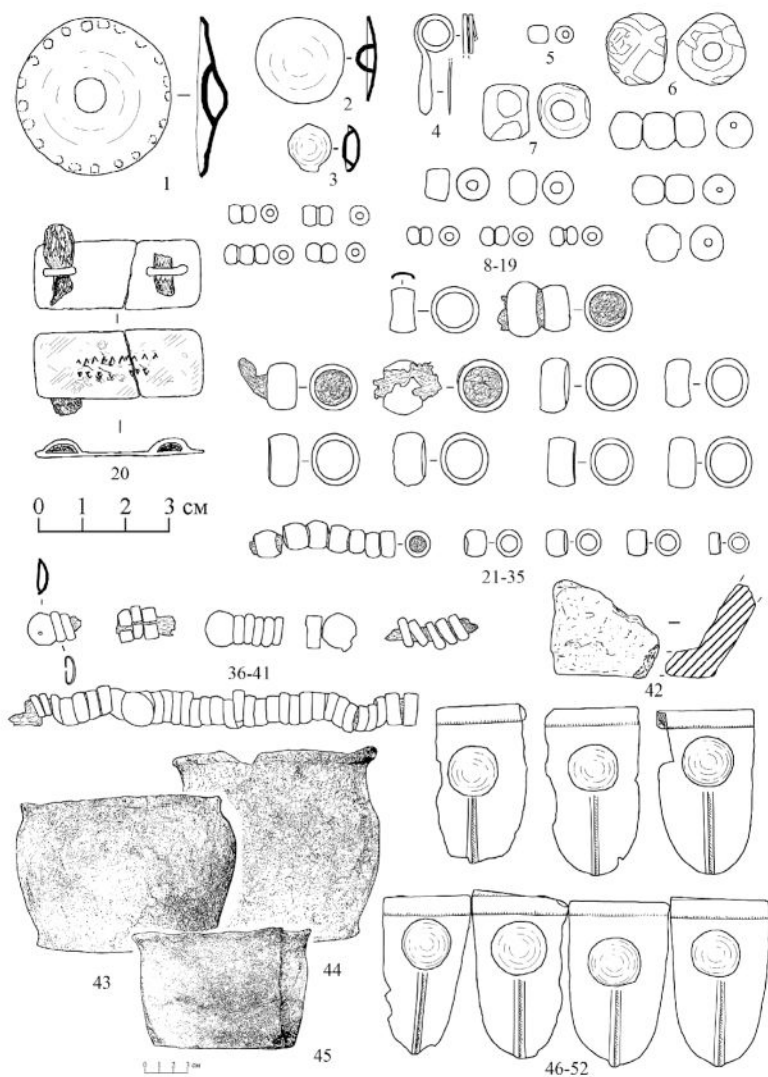

Рис. 8. Сenniмирский могильник: погребение 1 (1-42, 45-52), 4 (43), 5 (44). 1-4, 20-41, 46-52 – бронза, 5-19 – стекло, 42-45 – керамика

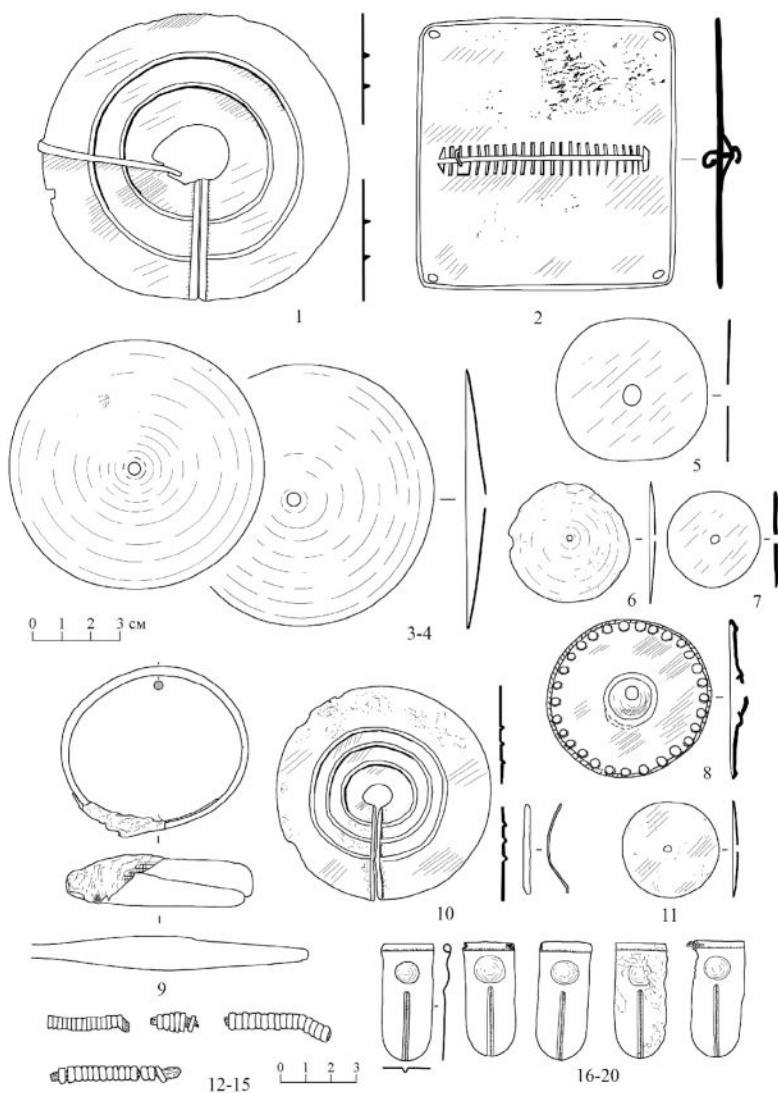

Рис. 9. Седмиркинский могильник: погребение 1 (1-7), 2 (остальное).
Бронза

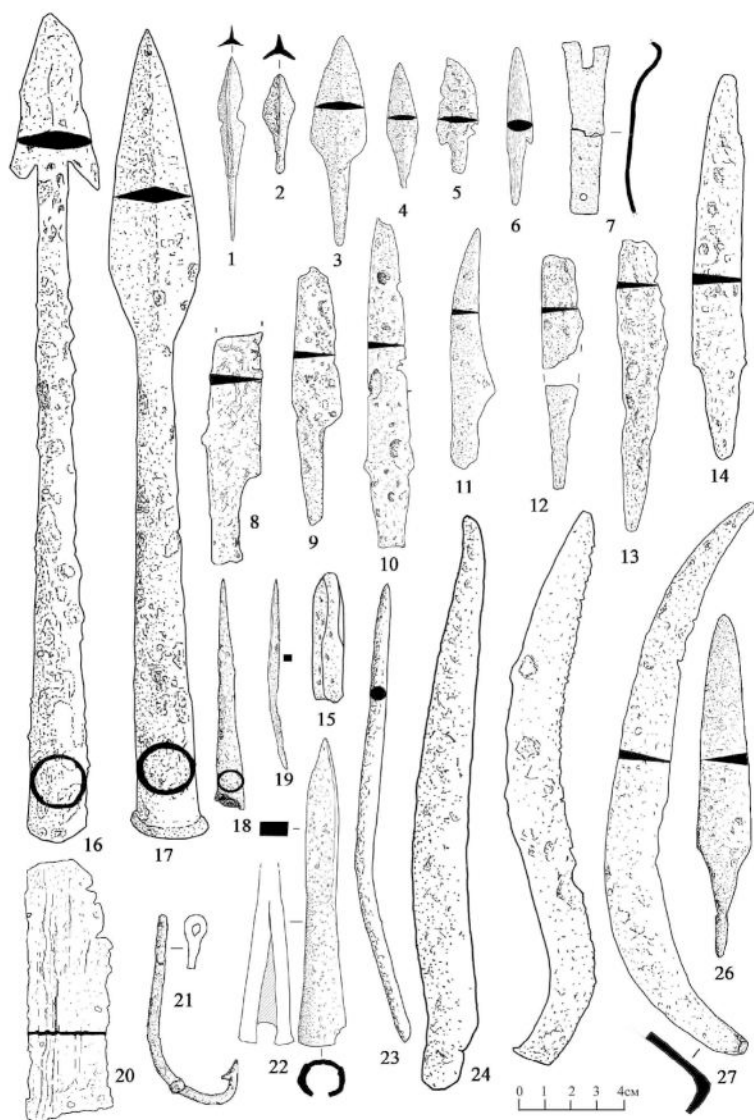

Рис. 10. Городище Ножа-Бар. Вооружение, орудия труда.
Железо

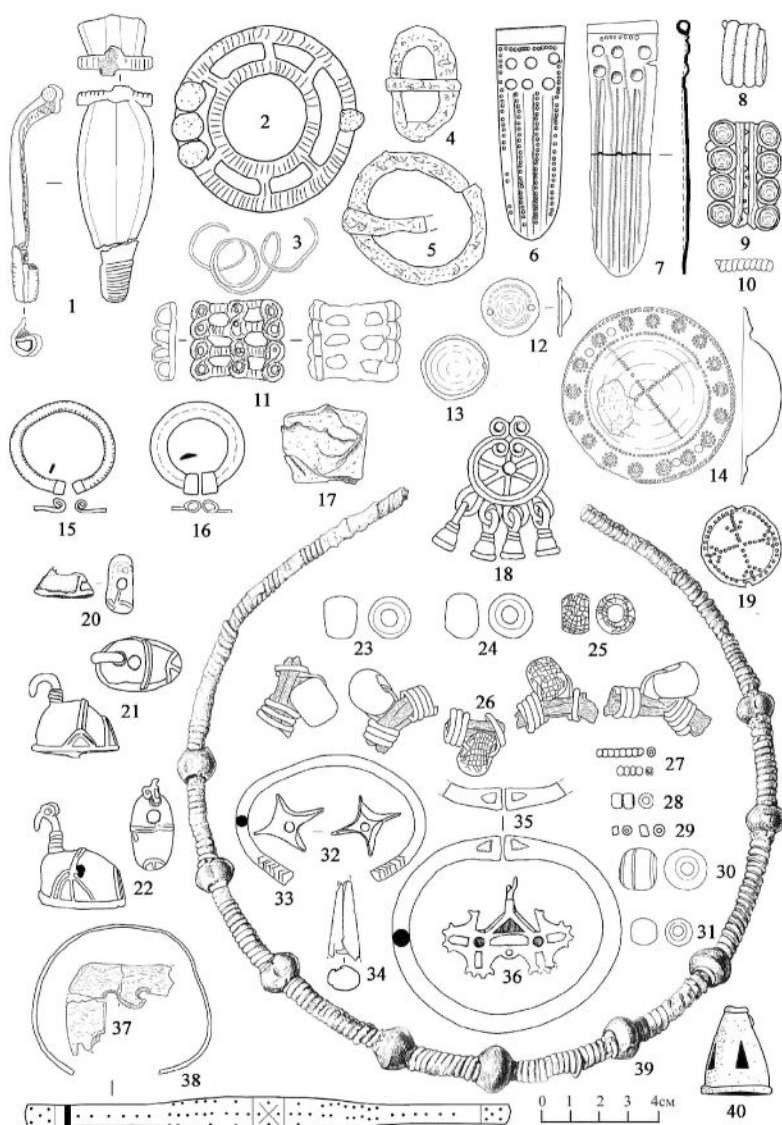

Рис. 11. Городище Ножа-Вар. Украшения: 1-22, 32-36, 38-40 - бронза, 23-25, 27-31 - стекло, 26 - кожа, бронза, стекло, 37 - кость

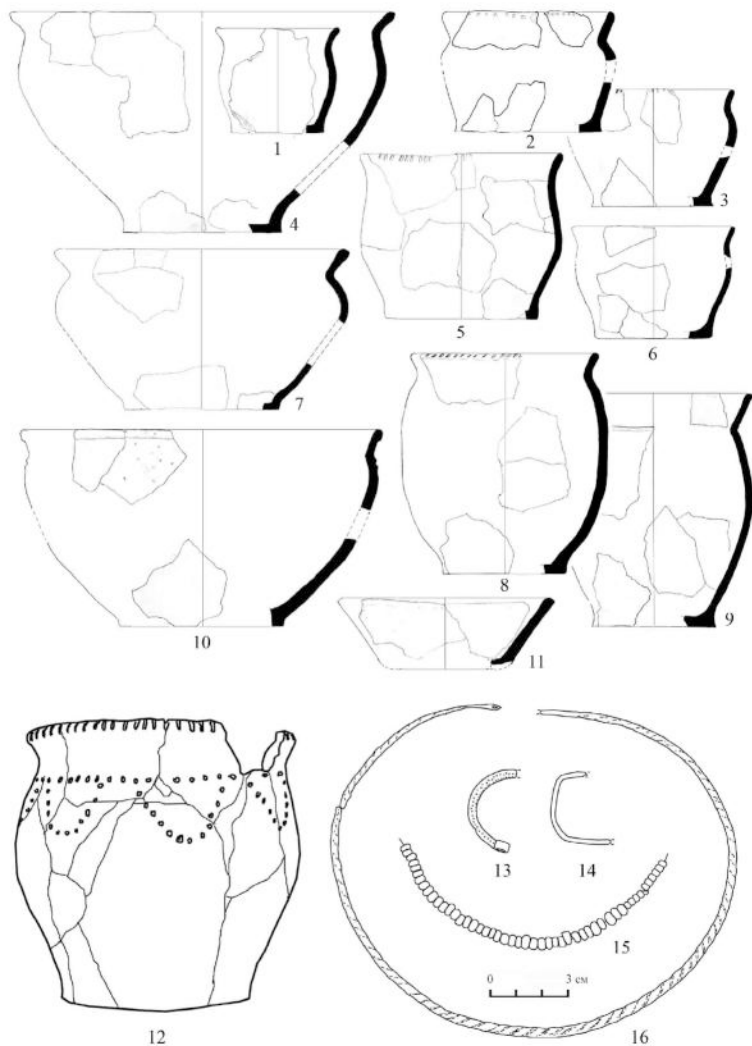

Рис. 12. Городище Ножа-Вар (1–11), Криюшинская дюна (12–16).
1–12 – глина, 13–14 – бронза, 15 – стекло, 16 – железо

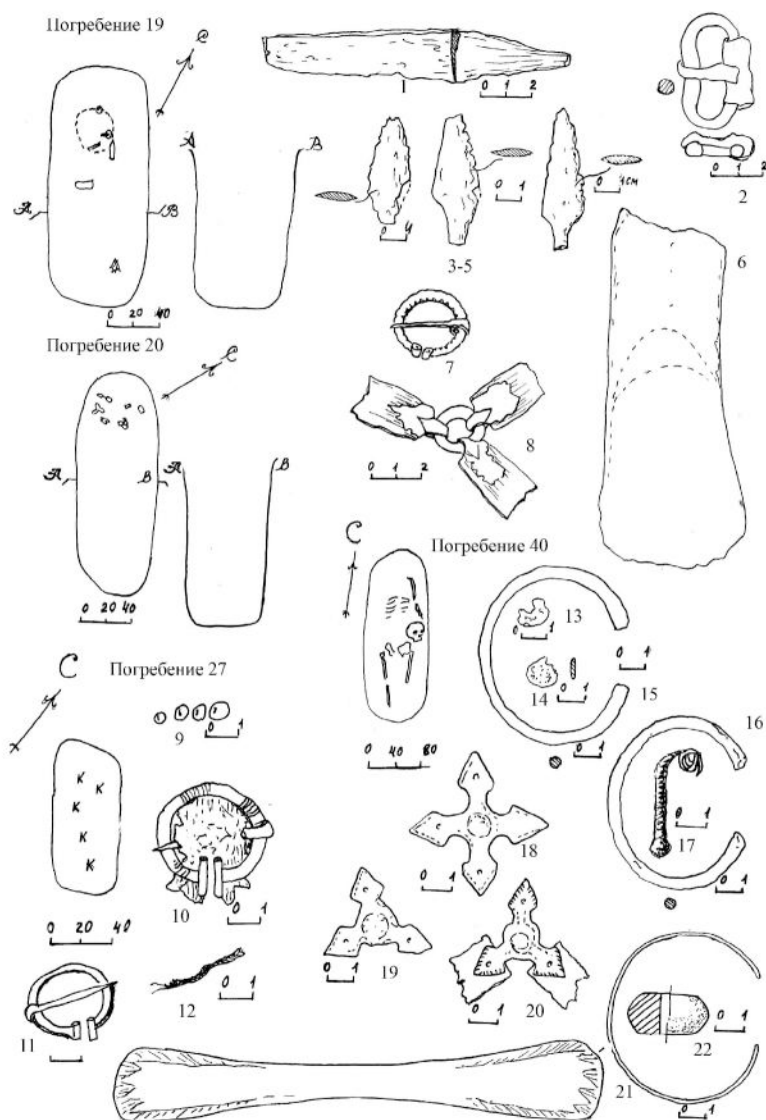

Рис. 13. Ива́ньковский могильник (раскопки Р.Ф. Ворониной): погребение 19 (1-7), 20 (8), 27 (10-12), 40 (остальное).

1, 3-5, 6, 13, 14 — железо, 12 — ткань, 22 — глина, остальное — бронза (по Р.Ф. Ворониной)

Погребение 55

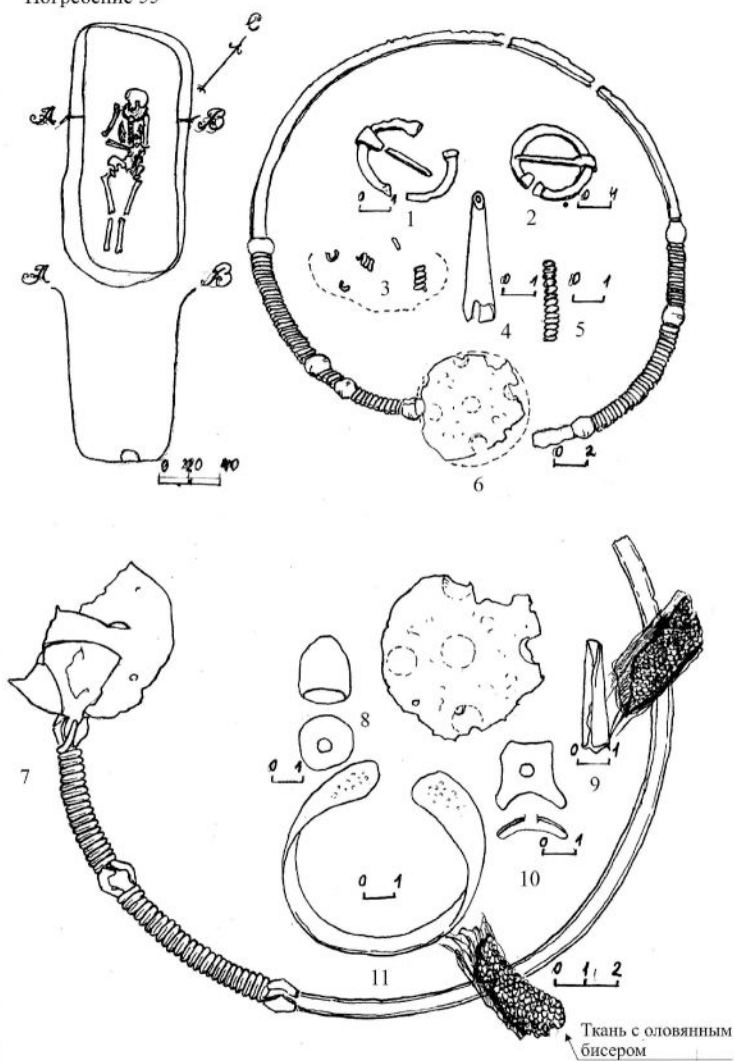

Рис. 14. Ивановский могильник (раскопки Р.Ф. Ворониной): погребение 55. Бронза (по Р.Ф. Ворониной)

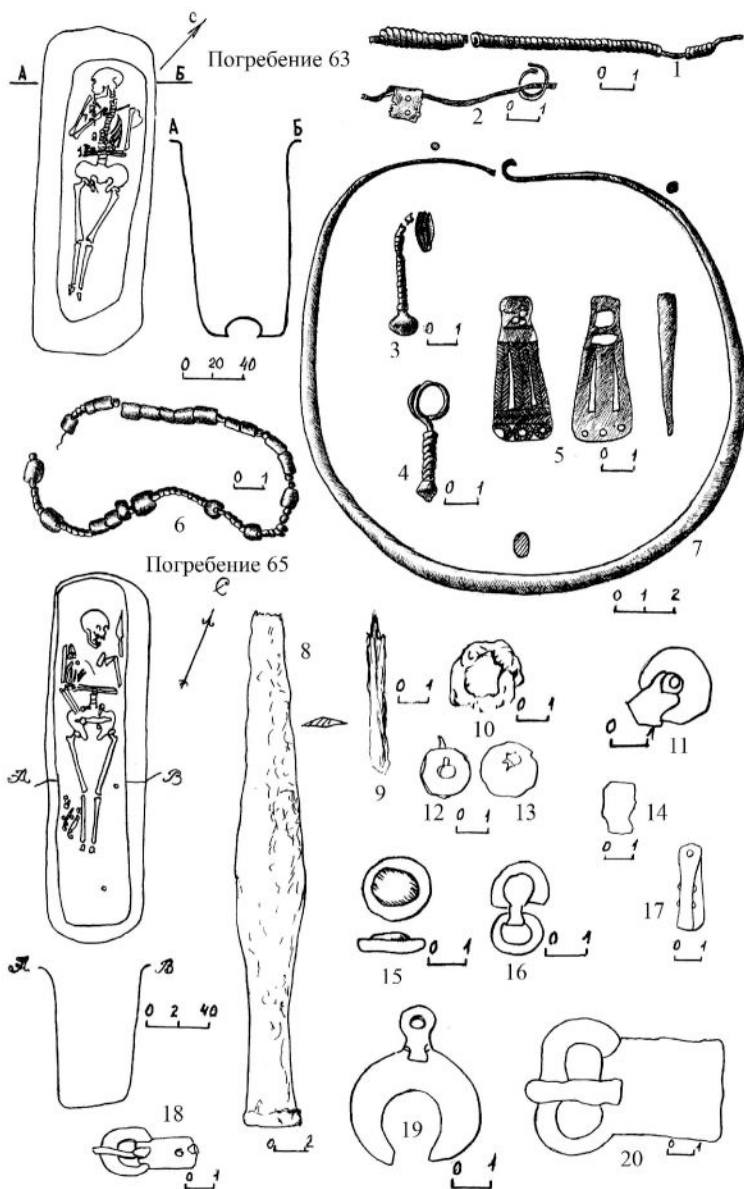

Рис. 16. Иваньковский могильник (раскопки Р.Ф. Ворониной): погребение 63 (1-7), 65 (8-20). 6 - стекло, 8-10 - железо, остальное - бронза (по Р.Ф. Ворониной)

Погребение 67

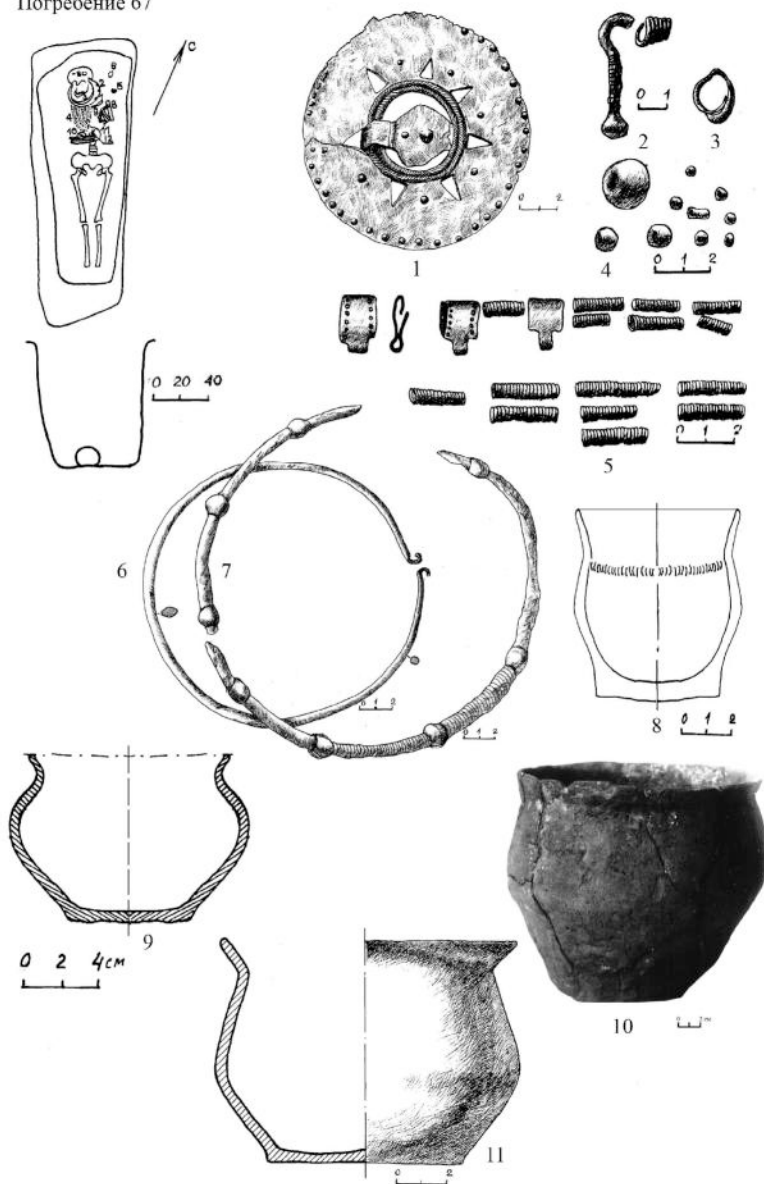

Рис. 17. Ивановский могильник (раскопки Р.Ф. Ворониной, П.П. Ефименко): погребение 67 (1-7), 37 (8), 18 (9), неизвестно (10), 61 (11). 4 - стекло, 1-3, 5-7 - бронза, 8-11 - глина

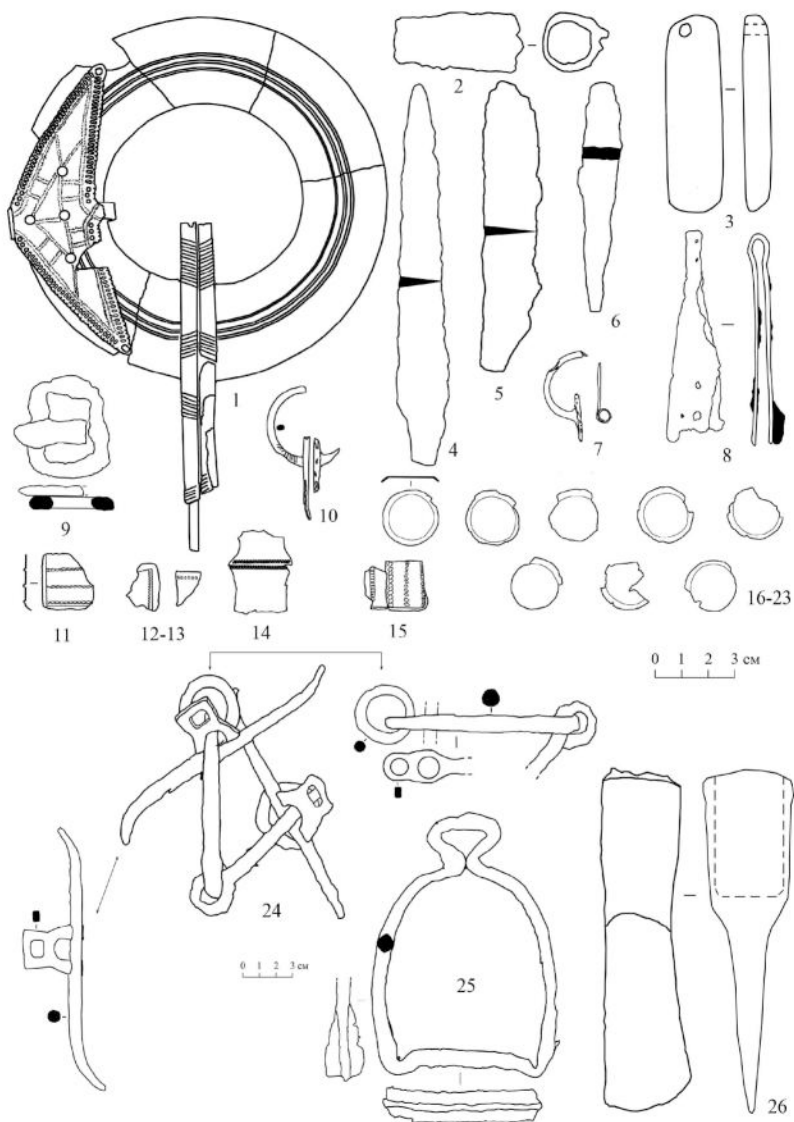

Рис. 18. Иваньковский могильник (находки 1957 г.): 1, 11-23 — серебро, 2, 4-6, 9, 24-26 — железо, 3 — камень, 7, 8, 10 — бронза

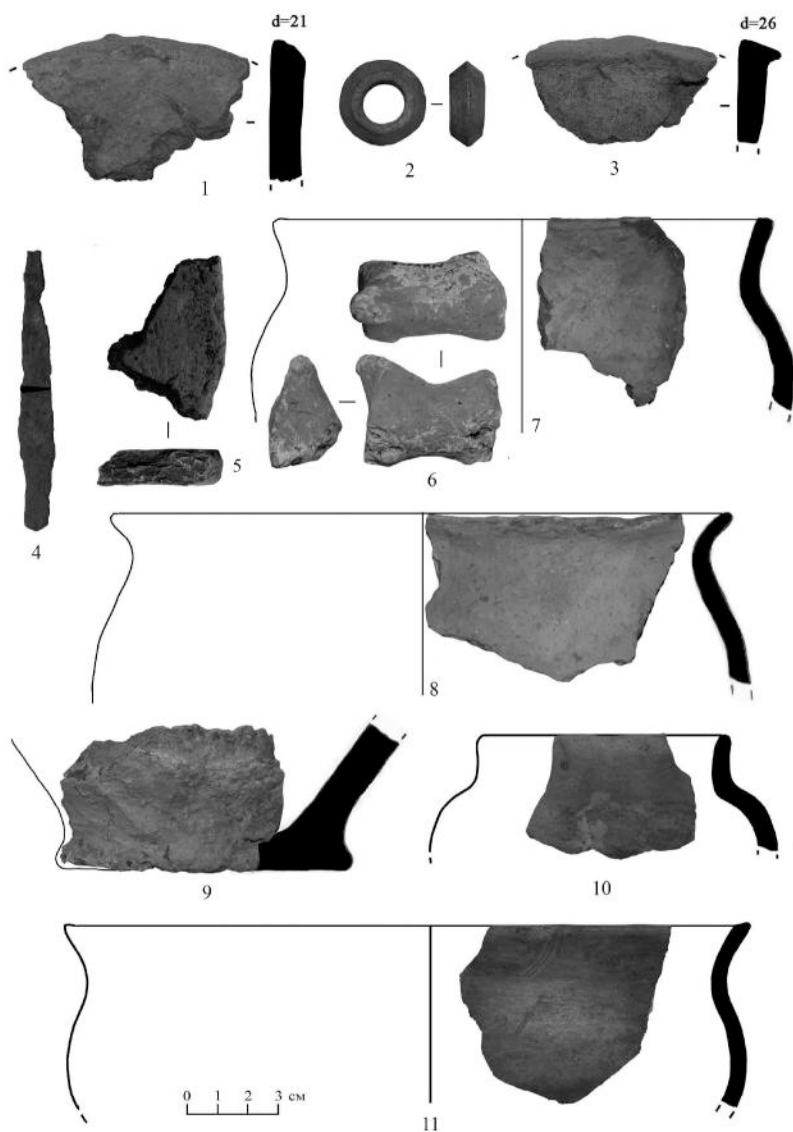

Рис. 19. Селище Ильинский Родник (1, 3, 10, 11), Макеевское селище (6–9), городище Шолом (2, 4, 5): 4 – железо, остальное – глина

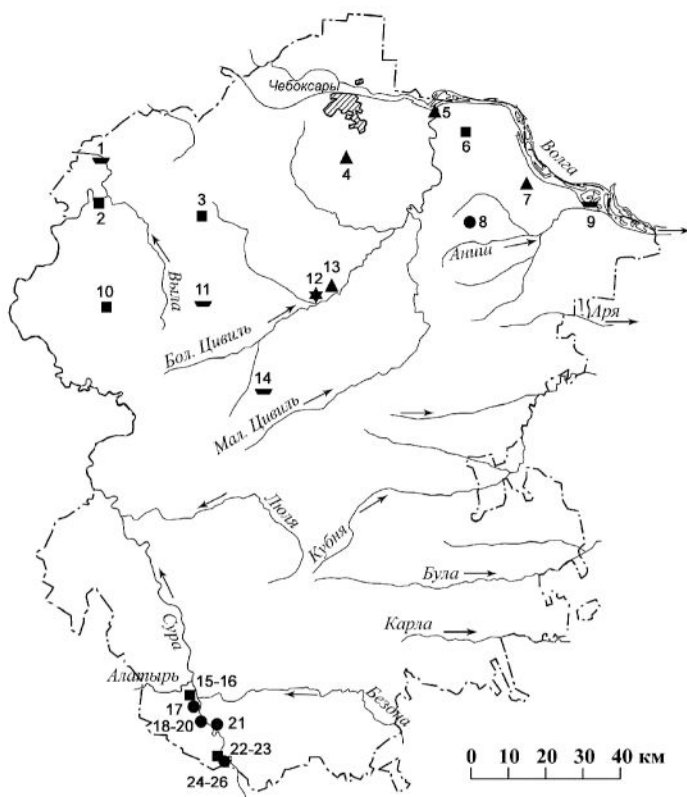

Рис. 20. Карта археологических памятников Чувашского Поволжья
I–VIII вв. н.э.

1 – Ивановский могильник; 2 – Сареевское городище «Ножа-Вар»; 3 – Ягаткинское городище «Пичке Сăрчĕ»; 4 – Большеангильдинское местонахождение; 5 – Яндашевское местонахождение; 6 – Яшеринское городище; 7 – Девлетгильдинское местонахождение; 8 – Конарское селище; 9 – Криушинский могильник; 10 – Тиханкинское I городище; 11 – Таутовский могильник; 12 – Янмурзинский клад; 13 – Нижнекожарская находка; 14 – Сеидмиркинский могильник; 15–16 – Алатырские I–II городища; 17 – Алатырское селище; 18–20 – Стемасские V, VII, VIII селища; 21 – поселение Упож I; 22–23 – Ивановско-Ленинские городища; 24–26 – Ивановско-Ленинские селища.

¹ Под Чувашским Поволжьем в статье понимается территория современной Чувашской Республики. Понятия «Чувашское Поволжье», «Чувашия» и «Чувашский край» мы считаем тождественными.

² *Наральных В.В.* Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006. С. 100.

³ *Халиков А.Х.* Памятники ишсеральско-андреевского типа в волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. Йошкар-Ола, 1987. С. 23. (АЭМК; вып. 12).

⁴ *Генинг В.Ф.* К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1962. С. 335.

⁵ *Хакимзянов Ф.С., Измайлов Н.Д.* Языки населения Волжской Булгарии и проблема «булгарского» языка // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006. С. 622.

⁶ *Матвеева Г.Н.* Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городская культуры) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: ранний железный век и Средневековье. М., 2000. С. 89.

⁷ *Михайлов Е.Н.* Из истории изучения памятников городской культуры на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. С. 51.

⁸ *Михайлов Е.Н.* У истоков археологической науки Чувашии (Памяти В.Ф. Смолкина) // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003. С. 12.

⁹ *Смолин В.Ф.* Археологические разведки в Чувашской республике в 1926 г. // ИОИАЭ. Т. 33, вып. 4. Казань, 1927. С. 21, 22.

¹⁰ *Ефименко Н.П.* Средневолжская экспедиция 1926–1927 гг. // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Т. 2. С. 160–173.

¹¹ *Михайлов Е.Н.* Из истории изучения памятников городской культуры на территории Чувашии. С. 55.

¹² *Третьяков П.П.* Предварительный отчет о работах Средневолжской экспедиции ГАИМК в Чувашской А.С.С. Республике в 1930 году // НА ЧГИГН. Ол. 1. Ед. хр. 581. Инв. № 7036. Л. 268.

¹³ *Михайлов Е.Н.* Из истории изучения памятников городской культуры на территории Чувашии. С. 56–58.

¹⁴ *Степанов Н.Д.* Отчет о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского педагогического института в пределах Чувашской АССР и Горьковской области летом 1950 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 454. 57 л.; *Его же.* Отчет о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского педагогического института в пределах Чувашской АССР летом 1952 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 686. 47 л.; *Его же.* Отчет о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского государственного педагогического института летом 1954 г. в пределах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 990. 144 л.; *Его же.* Отчет о работе археологической разведочной экспедиции Саратовского государственного университета летом 1956 г. в Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 1427. Л. 9.

¹⁵ *Старостин Н.Н.* Отчет о результатах археологической разведки на территории Чувашской АССР, проведенной летом 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 3646. 29 л.

¹⁶ Михайлов Е.Н. Разведочные работы 1986–1988 гг. в районах Чувашии (Материалы к археологической карте ЧССР) // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 38–52; Его же. Разведочные археологические работы в Моргаушском районе Чувашской Республики в 1999 году // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003. С. 257–280.

¹⁷ Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // Свод археологических источников (САИ). Вып. Д-1-14. М., 1965. С. 5.

¹⁸ Каховский В.Ф., Смирнов А.Н. Памятники Средневековья Чувашского Поволжья // Городище Худин и памятники Средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: ЧНИИ, 1972. С. 159.

¹⁹ Ледяйкин В.Н. Городецкая культура и древняя мордва: дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 9.

²⁰ Миронов В.Г. Памятники городенкой культуры и проблема её локальных вариантов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 3.

²¹ Матвеева Г.Н. Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городенская культуры). С. 88.

²² Вихнев В.Н. Происхождение древнемордовской культуры: дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2001. С. 61, 62.

²³ Гришаков В.В., Zubov C.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009. С. 72, 73.

²⁴ Разуваев Ю.Д. Городецкие поселения лесостепного Поволжья: некоторые итоги и перспективы исследования // Поволжские финны и их соседи в древности и Средние века: III Всероссийская науч. конф. Саранск, 2011. С. 50.

²⁵ Матвеева Г.Н. Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городенская культуры). С. 88.

²⁶ Хреков А.А. Городецкие поселения лесостепного Прихоперья // Поволжский край. Вып. 11. Саранск, 2000. С. 71.

²⁷ Гришаков В.В., Zubov C.Э. Указ. соч. С. 30, 31.

²⁸ Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Указ. соч. С. 24, 25.

²⁹ Гаврилухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 146–148. (Раннеславянский мир; вып. 3).

³⁰ Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения археолога, заслуженного работника культуры М.Р. Полесских (25–27 сентября 2008 г.). Пенза, 2008. С. 102.

³¹ Старостин Н.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967. С. 29. (САИ; вып. Д1-32).

³² Ахмедов Н.Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.: проблемы и материалы. М., 2010. С. 16. (Раннеславянский мир; вып. 13).

³³ Казаков Е.П. Ранние болгары в Поволжье // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 185–187.

³⁴ Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре. С. 104.

³⁵ Там же. С. 99.

³⁶ Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников. Вводные замечания // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007. С. 135. (Раннеславянский мир; вып. 9).

³⁷ Халиков А.Х. Очерк истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1962. С. 116–138. (Труды МАЭ; т. 2.)

³⁸ Степанов П.Д. Андреевский курган (предварительное сообщение) // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1964. Вып. 27. С. 206–267; Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. С. 54–56.

³⁹ Степанов П.Д. Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР в 1967–1968 гг. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1974. С. 70–72. (Труды МНИИЯЛИЭ; вып. 45).

⁴⁰ Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего Средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничного. Уфа, 2006. С. 204–225.

⁴¹ Архипов Г.А., Шадрин А.И. Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1995. С. 119 (АЭМК; вып. 24).

⁴² Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Saarbrücken, 2011. С. 15.

⁴³ Халиков А.Х. Памятники писеральско-андреевского типа в волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация. С. 9.

⁴⁴ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Указ. соч. С. 73, 92. Табл. 4.

⁴⁵ Там же. С. 91.

⁴⁶ Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Хронология Кошбеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999. С. 58.

⁴⁷ Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Сартовского государственного педагогического института летом 1954 г. в пределах Чувашской АССР. Л. 25–26.

⁴⁸ Трубишкова И.В. Раскопки городища Ничке Сярч в Чувашии // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах. Чебоксары, 1964. С. 163–195. (Ученые записки ЧНИИ; вып. 25).

⁴⁹ Мясников Н.С. Городище Ничке Сярч в Чувашии: к вопросу об историко-культурной интерпретации // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2013. Вып. 8. С. 167–176.

⁵⁰ Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. Йошкар-Ола, 1993. С. 101, 102.

⁵¹ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Указ. соч. С. 57–59.

⁵² Мясников Н.С. Керамические грузила и пряслица городища Ничке Сярч (к вопросу о развитии прядения и ткачества в Нижнем Присурье в первые века н.э.) // Вестник УлГУ. Ижевск, 2013. Вып. 1.

⁵³ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Указ. соч. С. 187.

⁵⁴ Личный архив автора. Полевые записи 2013 г.

⁵⁵ Зубов С.Э., Михеев А.В. Указ. соч. Рис. 2: 1, 3.

⁵⁶ Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск, 1980. Табл. 15: 3.

⁵⁷ Зубов С.Э. Воинские миграции ... Рис. 36: 10.

⁵⁸ Зубов С.Э. Там же. Рис. 38: 2; 59: 29.

- ⁵⁹ Агеев Б.Б. Указ. соч. Табл. 3: 6.
- ⁶⁰ Грицаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. Саранск, 2005. Рис. 11: 1.
- ⁶¹ Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. СПб., 1901. Т. 25, вып. 1. Табл. III: 11.
- ⁶² Лецинская Н.А. Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н. Старостина) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. статей к 70-летию П.Н. Старостина. Казань, 2009. Рис. 3: 7.
- ⁶³ Zubov С.Э. Указ. соч. Рис. 38: 2–3.
- ⁶⁴ Там же. Рис. 59: 34, 37.
- ⁶⁵ Лецинская Н.А. Опшкнский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. С. 10. Рис. 27: 11.
- ⁶⁶ Подианов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900. С. 53, 54, 69, 71.
- ⁶⁷ Zubov С.Э., Михеев А.В. Указ. соч. Рис. 1: 2, 4.
- ⁶⁸ Агеев Б.Б. Указ. соч. С. 37. Табл. 5–6.
- ⁶⁹ Шитов В.Н. Кошнбеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Саранск, 1988. Табл. VII: 9, 10. (Труды МНИИЯЛИЭ; вып. 93).
- ⁷⁰ Ахмедов И.Р., Белоцерковская Н.В. Хронология Кошнбеевского могильника. С. 57, 58.
- ⁷¹ Лаптева Т.А. Эполетообразные застёжки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1994. С. 131.
- ⁷² Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. Рис. 2: 27.
- ⁷³ Агеев Б.Б. Указ. соч. С. 40; Красноперов А.А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к сопоставлению ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. статей к 70-летию П.Н. Старостина. Казань, 2009. С. 90.
- ⁷⁴ Агеев Б.Б. Указ. соч. С. 41.
- ⁷⁵ Каховский Б.В. Итоги археологических работ 1979–1980 гг. в Чувашской АССР // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С. 46, 47.
- ⁷⁶ Экспозиция археолого-этнографического музея им. В.Ф. Каховского ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.
- ⁷⁷ Zubov С.Э. Вонпские митраши ... Рис. 23: 5, 6; 40: 4–6; 59: 7–9.
- ⁷⁸ Агеев А.А. Указ. соч. Табл. 5: 2–5.
- ⁷⁹ Спицын А.А. Указ. соч. Табл. VI: 24, 31; VII: Шитов В.Н. Кошнбеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.). С. 6–7. Табл. II: 1; VI: 1; VII: 1.
- ⁸⁰ Агеев А.А. Указ. соч. Табл. 3: 23; 8: 16, 25, 30; II: 45.
- ⁸¹ Шитов В.Н. Кошнбеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.). Табл. VII: 9, 10.
- ⁸² Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.). Рис. 2: 25.
- ⁸³ Лецинская Н.А. Опшкнский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Ижевск, 2000. С. 10. Рис. 22: 64–86; 25: 24–25.
- ⁸⁴ Ахмедов И.Р. Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003. С. 128–138.

- ⁸⁵ Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашск(ой) республике в 1926 г. С. 16, 17.
- ⁸⁶ Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.). Рис. 2: 16.
- ⁸⁷ Рисунки находок отряда В.Ф. Каховского в 1961 г. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 600. Инв. № 16-40.
- ⁸⁸ Лаптева Т.А. Указ. соч. С. 131. Табл. I.
- ⁸⁹ Михайлов Е.П. Разведочные работы 1986–1988 гг. в районах Чувашии (Материалы к археологической карте ЧССР). С. 45–47.
- ⁹⁰ Агеев Б.Б. Указ. соч. Табл. II: 44.
- ⁹¹ Трубинова Н.В. Материалы по раскопкам 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1956 г. (дневник) // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 555. Инв. № 1568.
- ⁹² Зубов С.Э. Воинские миграции ... Рис. 62.
- ⁹³ Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. С. 132. Рис. 27: 3.
- ⁹⁴ Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. С. 136; ГМРТ. № 5465 – 6.
- ⁹⁵ Зубов С.Э. Воинские миграции ... Рис. 57: 1–3; 36: 10, 21: 4.
- ⁹⁶ Вихляев В.Н., Петербургский Н.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в Средние века. Ижевск, 1999. С. 124, 132.
- ⁹⁷ Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре. С. 103, 104.
- ⁹⁸ Трубинова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары. 1958. Вып. 16. С. 228–234, 239–242.
- ⁹⁹ Ефимов Е.А. Исследование археологических памятников на территории Ашковского района Чувашской Республики // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: материалы научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 декабря 2006 г. Чебоксары, 2007. Кн. 2. С. 165, 166, 168–171.
- ¹⁰⁰ Мясников И.С. Исследования Таутовского могильника в 2011 г. // Казанская наука. 2012. № 3. С. 27–34.
- ¹⁰¹ Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.). Рис. 5: 3; Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. Саранск, 2005. С. 22, 36, 46. Рис. 22: 3; Его же. Хронология мордовских древностей Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2008. Вып. 2. Рис. 4: I.
- ¹⁰² Гришаков В.В., Зубов С.Э. Указ. соч. С. 27, 53. Рис. 23: I.
- ¹⁰³ Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей Верхнего Посурья и Примокшанья. Рис. 10.
- ¹⁰⁴ Личный архив автора. Полевые записи 2013 г.
- ¹⁰⁵ Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. Рис. 2: 11. С. 10; Рис. 19: I. С. 32.
- ¹⁰⁶ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Указ. соч. Рис. 20: I.
- ¹⁰⁷ Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей Верхнего Посурья и Примокшанья. С. 88. Рис. 5: 9.
- ¹⁰⁸ Ахмедов Н.Р. «Свеа» из Мордовии: к изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. // Российская археология (РА). 2010. № 1. С. 35.
- ¹⁰⁹ Румянцева О.С. Культура рязано-окских могильников: керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007. С. 250, 254. (Раннеславянский мир; вып. 9).

¹¹⁰ Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011. Рис. 204: 140.

¹¹¹ Там же. С. 142, 143.

¹¹² Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). М., 2007. С. 43, 44, 108, 109. Рис. 113–118. С. 110–112. Рис. 119–134. (Раннеславянский мир; вып. 10).

¹¹³ Ахмедов И.Р. «Свев» из Мордовии: к изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. С. 33.

¹¹⁴ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чепандинская культура III в. до н.э. – II вв. н.э. // ВАУ. Ижевск; Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 83, 84. Табл. XI: 4; XVII: 12, 13; Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушудевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. Рис. 12: 12.

¹¹⁵ Смирнов К.А. Железные изделия Троицкого городища // Материалы исследований по археологии СССР (МИА). 1970. № 156. Табл. 14, 21, 24. Рис. 16, 25.

¹¹⁶ Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. 1970. № 156. С. 54–60.

¹¹⁷ Гришаков В.В., Zubov C.Э. Указ соч. С. 23. Рис. 22: 2, 6.

¹¹⁸ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. Рис. 12: 4, 18; 2: 33; 6; 40: 2.

¹¹⁹ Шенко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // Советская археология (СА). 1987. № 4. Рис. 8: 4.

¹²⁰ Лецинская И.А. Ошкунский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Волге. Рис. 14: 31.

¹²¹ Симоненко А.В. О снаряжении боевых коней в первые века н.э. на территории Северного Причерноморья // Золото, копь и человек: сб. статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012. Рис. 1: 3, 4; 2: 5.

¹²² Там же. С. 90, 91.

¹²³ Мазанцев В.Ю. ПерIODизация ремешных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д, 2000. С. 200, 201, 209. Рис. 3, 4.

¹²⁴ Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Стены европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 198, 302. Табл. 81: 43; (Археология СССР; вып. 10); Vaday Andrea-Szőke, Bela Miklos. Szarmata temető és Gepida sír Endrőd-Szujókeresztén. Communicationes archaeologicae Hungariae. Budapest, 1983. Abb. 1: 1a-b, 21: 1a-b.

¹²⁵ Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. Рис. 5: 2.

¹²⁶ Там же. Рис. 8: 2: 5.

¹²⁷ Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей Верхнего Посурья и Примошанья. С. 86.

¹²⁸ Zubov C.Э. Воинские миграции ... Рис. 61.

¹²⁹ Гришаков В.В. Сергачский могильник «Кожина слобода» в системе памятников андреевско-песеральского горизонта // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2010. Вып. 3. С. 50.

¹³⁰ Zubov C.Э. Ранние палатки Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 130.

¹³¹ Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3. С. 167.

¹³² Труфанов А.А. Указ. соч. С. 167, 168. Рис. 5, 1. Табл. CLV: 9, 10.

¹³³ Бабенников В.Г. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 125. Табл. IV: 15; Гущина Н.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму: (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. Рис. IV: 17; Сымонович Э.А. Население столицы Позднескифского царства в Крыму (по материалам Восточного некрополя Неаполя Скифского). М., 1983. С. 108. Табл. 39: 7–8; Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматские погребения в курганах на р. Быстрой // СА. 1987. № 1. С. 190; Нуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э.: погребальные памятники. Симферополь, 2007. Рис. 98: 1, 4, 12–13; Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М. 2008. С. 89, 101. Рис. 77: 29; Гришаков В.В. Сергачский могильник «Кожина слобода» в системе памятников андреевско-нигеральского горизонта. Рис. 1: 2. С. 105.

¹³⁴ Безуглов С.И. О степных связях населения Закубанья в позднесарматскую эпоху (по материалам раскопок Н.И. Веселовского 1909 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. Вып. 10. С. 408, 410.

¹³⁵ Мясников И.С. Отчет о результатах археологической разведки в Ашкеевском и Вурнарском районах Чувашской Республики в 2011–2012 гг. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2703. Инв. № 9531.

¹³⁶ Полесских М.Р. Ранние могильники мордвы в Пензенской области // СА. 1959. № 4. С. 202. Рис. 3: 11; Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., Андреева А.А. Железный головной убор рязно-окских финнов в III–V вв.: доклад на 3-й конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» (Тула, 2011).

¹³⁷ Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей Верхнего Посурья и Примокшанья. Рис. 1: 3.

¹³⁸ Там же. С. 86.

¹³⁹ Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушелевский могильник пьяноборской культуры. С. 78. Рис. 4: 6; Васюткин С.М., Калинин В.К. Новосасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 97. Рис. 5: 1, 2.

¹⁴⁰ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Указ. соч. С. 24. Рис. 20: 1.

¹⁴¹ Лецинская И.А. Ошкнинский могильник — памятник пьяноборской эпохи на Вятке. С. 10. Рис. 28: 16; 31: 6; 32: 3, 4.

¹⁴² Там же. С. 10.

¹⁴³ Красноперов А.А. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006. С. 144–148.

¹⁴⁴ Мажитов Н.А., Пишенин А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. С. 47. Рис. 3: 22; Пишенин А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 71. Рис. 6: 36; 11: 20; Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушелевский могильник пьяноборской культуры. С. 84. Рис. 9: 4–7; Васюткин С.М., Калинин В.К. Новосасыкульский могильник. С. 105. Рис. 7: 14, 15.

¹⁴⁵ Пишенин А.Х. Охлебнинский могильник // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3. С. 70. Рис. 9.

¹⁴⁶ Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. Рис. 5: 2, 4; 8.2: 5; 8.3: 8. С. 13, 14, 24, 25, 102.

¹⁴⁷ Там же. С. 103.

¹⁴⁸ Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. С. 60.

¹⁴⁹ Ефименко П.П. Средневолжская экспедиция 1926–1927 г. // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Т. 2. С. 169, 170.

¹⁵⁰ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. Карта 21: 73, 74, 84, 85.

¹⁵¹ Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. С. 187–207.

¹⁵² Воронина Р.Ф. Нижнеурская мордва IV–VII вв. (по материалам Ивановского могильника 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1968–1972 гг.) // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2007. Вып. 1. С. 154, 155.

¹⁵³ Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре. С. 103, 104.

¹⁵⁴ Воеводский М.В. Отчет об исследовании берегов р. Суры в 1927 г. с приложением планов и описаний обследуемых городищ и могильников на территории Марийской автономной области, Чувашской АССР, Нижегородской и Пензенской областей // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 204–1927 г. Л. 1 об., 16, 17.

¹⁵⁵ Степанов Н.Д. Отчет о работе археологической разведочной экспедиции Саратовского государственного университета летом 1956 г. в Чувашской АССР. Л. 9.

¹⁵⁶ Грубникова Н.В. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Саресво в 1958–1959 годах // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах. Чебоксары. С. 117–156 (УЗ ЧНИИ; вып. 25).

¹⁵⁷ Зубов С.Э. Воинские миграции ... Рис. 21: 1, 8; 28: 11.

¹⁵⁸ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР, II в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1966. Табл. 4: 22–24. С. 27.

¹⁵⁹ Обломский А.М., Гертиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Горюховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э. М., 2007. С. 113–114, 120–123. Рис. 138, 139. (Раннеславянский мир; вып. 10).

¹⁶⁰ Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. С. 82, 85.

¹⁶¹ Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей Верхнего Посурья и Примокшанья. Рис. 15: 1–5. С. 106. Его же. Степановский могильник IV–V вв. С. 62, 63.

¹⁶² Рыков Н. Культура древних финнов в районе р. Уза. Саратов, 1930. Рис. 4; Полесских М.Р. Новые памятники древнейшей мордвы // Материалы по этнографии и археологии Мордовии. Саранск, 1974. Рис. 2: 1. (Труды МНИИЯЛИЭ; вып. 45); Гришаков В.В. Степановский могильник IV–V вв. Рис. 2: 3; 5: 18.

¹⁶³ Белоцерковская Н.В. Ипсептарь жепских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007. С. 194. (Раннеславянский мир; вып. 9).

¹⁶⁴ Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.). Рис. 13А–15, 16.

¹⁶⁵ Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей Верхнего Посурья и Примокшанья. Рис. 9: 2. С. 93.

¹⁶⁶ Спицын А.А. Указ. соч. Табл. XXI: 8; Ахмедов Н.Р. Культура рязано-окских могильников: ипсептарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007. Рис. 15: 38, 39. С. 143 (Раннеславянский мир; вып. 9). Ахмедов Н.Р., Белоцерковская Н.В., Андреева А.А. Женский головной убор рязано-окских финнов в III–V вв.

¹⁶⁷ Румянцева О.С. Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Окско-Сурским междуречье в эпоху Великого переселения народов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.: проблемы и материалы. М., 2010. С. 279, 280. (Раннеславянский мир; вып. 13).

¹⁶⁸ Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М., 2008. Рис. 164: 2; 180: 1.

¹⁶⁹ Там же. С. 64.

¹⁷⁰ Гришаков В.В. Степановский могильник IV–V вв. Рис. 5: 23; Белоцерковская Н.В. Указ. соч. Рис. 8: 17, 22.

¹⁷¹ Шитов В.П. Сергачский могильник «Святой клоч» // Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1988. С. 134. (Труды МНИИЯЛИЭ; вып. 85). Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей Верхнего Посурья и Примокшанья. Рис. 8–10. С. 101.

¹⁷² Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей Верхнего Посурья и Примокшанья. Рис. 13: 1. С. 100; Белоцерковская Н.В. Инвентарь женских погребений. С. 193.

¹⁷³ Рыков Н. Культура древних финнов в районе р. Уза. Табл. 15. Рис. 79; Белоцерковская Н.В. Инвентарь женских погребений. Рис. 8: 18. С. 200.

¹⁷⁴ Засецкая И.И. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб, 1994. С. 37–39. Рис. 4: 2, 4.

¹⁷⁵ Станенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V ввхх н.э. М., 2005. С. 22, 44. (Раннеславянский мир; вып. 7).

¹⁷⁶ Третьяков Н.Н. Средневековые городища ЧАССР // Сообщения ГАИМК. № 5–6. Л., 1932. С. 62; Третьяков Н.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948. С. 19, 53–56, 71.

¹⁷⁷ Там же. С. 192, 200.

¹⁷⁸ Лецинская Н.А. Хронология ... Рис. 9: 9.

¹⁷⁹ Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей Верхнего Посурья и Примокшанья. С. 100, 101. Рис. 13: 8.

¹⁸⁰ Румянцева О.С. Культура рязано-окских могильников: керамика центральной группы могильников. Рис. 3: 1–6. С. 246, 247.

¹⁸¹ Там же. С. 248, 249.

¹⁸² Румянцева О.С. Культура рязано-окских могильников: керамика центральной группы могильников. С. 248.

¹⁸³ Каталог выставки 1882 года Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1882. С. 32.

¹⁸⁴ Ефименко Н.П. Средневолжская экспедиция. С. 319.

¹⁸⁵ Трубникова Н.В. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 38, 50–59, 73. (Труды ЧНИИ; вып. 19).

¹⁸⁶ Воронина Р.Ф. Нижнесурацкая мордва IV–VIII вв. С. 156.

¹⁸⁷ Федюлов М.И. Отчет о проведенных охранно-спасательных раскопках на территории Ивановского могильника в Ядринском районе Чувашской Республики в 2009 году // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2678. Инв. № 9499.

¹⁸⁸ Ефименко Н.П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. С. 7–36. (Труды МНИИЯЛИЭ; вып. 48).

¹⁸⁹ Автор выражает огромную благодарность Р.Ф. Ворониной за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы.

- ¹⁹¹ Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений. С. 143. Схема 1: 59.
- ¹⁹¹ Там же. С. 142. Рис. 10: 5. Схема 1: 41.
- ¹⁹² Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений. Рис. 8: 30.
- ¹⁹³ Засецкая И.П. Боспорские скелеты гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. Вып. 158. С. 14–15. Рис. 6.
- ¹⁹⁴ Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений. Рис. 7: 43.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 196.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 193.
- ¹⁹⁷ Вихнев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья: учеб. пособие. Саранск, 1977. Рис. 4: 11.
- ¹⁹⁸ Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений. С. 193.
- ¹⁹⁹ Ефименко Н.Н. Ивановский и Гавриловский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. Рис. 4: 4; 5. (Труды МНИИЯЛИЭ; вып. 48).
- ²⁰⁰ Краснов Ю.А. Безволнинский могильник: (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего Средневековья). М., 1980. Рис. 40: 1, 2; 44.
- ²⁰¹ Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений. С. 200. Рис. 9: 43.
- ²⁰² Нолесских М.Р. Пензенские могильники мордвы IV–V вв. // СА. 1962. № 4. Рис. 2: 1.
- ²⁰³ Гринаков В.В. Степановский могильник IV–V вв. С. 70–73. Рис. 5: 4–5.
- ²⁰⁴ Нолесских М.Р. Пензенские могильники мордвы в IV–V вв. Рис. 2: 4.
- ²⁰⁵ Цикитина Т.Е. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) // Труды МАЭ. Т. 5. Йошкар-Ола, 1999. Рис. 11: 11.
- ²⁰⁶ Ахмедов И.Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поволжья. Вып. 4. Рязань, 1995. С. 94. Рис. 2: 8.
- ²⁰⁷ Древности Астраханского края. М., 1977. Т. 80. Рис. 3.
- ²⁰⁸ Дашевская О.И. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма / МИА. № 169. М., 1969. С. 59, 60.
- ²⁰⁹ Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений. С. 149.
- ²¹⁰ Ахмедов И.Р. Крестовидные диадемы в эпоху Великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006. С. 158.
- ²¹¹ Белоцерковская И.В. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула, 2010. С. 76, 79, 80.
- ²¹² Там же.
- ²¹³ Федотов М.И. Отчет о проведенных охранно-спасательных раскопках на территории Ивановского могильника в Ядринском районе Чувашской Республики в 2009 году // НА ЧГИГН. Отд. II. Лд. хр. 2678. Инв. № 9499. Рис. 115.
- ²¹⁴ Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений. С. 197. Рис. 6: 3.
- ²¹⁵ Трубишкова И.В. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // Вопросы археологии и истории Чувашии. С. 55–59. (Ученые записки ЧНИИ; вып. 19).

- ²¹⁶ Горюнова Е.Н. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М., 1961. Рис. 55: 2; Ефименко Н.Н. Рязанские могильники // Материалы по этнографии. Вып. 1, т. 3. Л., 1926. Рис. 5: 13; Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.). Рис. 16–20; Петербургский И.М., Аксенов В.Н. Древние памятники на реке Ляча. Саранск, 2008. С. 60. Рис. 49: 12.
- ²¹⁷ Петербургский И.М., Аксенов В.Н. Указ. соч. С. 80.
- ²¹⁸ Там же. С. 73, 85.
- ²¹⁹ Амброз А.К. Восточноевропейские и средиземноморские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 14. Рис. 4а: 23.
- ²²⁰ Ефименко Н.Н. Иваньковский и Гавриловский ... Рис. 3: 2.
- ²²¹ Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. С. 47.
- ²²² Фотоархив Ленинградского отделения Института археологии РАН. Отд. II. Ед. хр. 15077. Инв. № А 810.
- ²²³ Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. С. 103.
- ²²⁴ Там же. С. 115.
- ²²⁵ Румянцева О.С. Керамика центральной группы могильников. С. 254. Рис. 8: 8, 9; Обломский А.М. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. № 2. 2005. С. 41, 42.
- ²²⁶ Останин Г.Н. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. Рис. 23: 6.
- ²²⁷ Лецинская Н.А. Ошквинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Рис. 21: 22–24.
- ²²⁸ Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре. С. 104.
- ²²⁹ Нитов В.Н. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность: материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Саранск, 2000. Рис. 2, 3.
- ²³⁰ Там же. Рис. 4.
- ²³¹ Калинин П.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань, 1954. С. 62.
- ²³² Там же. С. 52.
- ²³³ Генинг В.Ф. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья (Казань, 1956 г.). М., 1956. С. 43–46.
- ²³⁴ Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1959. Вып. 2. С. 217.
- ²³⁵ Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1962. С. 335.
- ²³⁶ Старостин П.Н. О так называемых позднегородских памятниках Среднего Поволжья // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1964. С. 191–208. (Труды МНИИЯЛИ; вып. 19).
- ²³⁷ Старостин П.Н. Отчет о результатах археологической разведки на территории Чувашской АССР, проведенной летом 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 3646. Л. 1–29.
- ²³⁸ Старостин П.Н. Памятники именковской культуры. М., 1967. С. 29. (САИ; вып. Д1–32).

²³⁹ Матвеева Г.И. О происхождении именниковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 52–73.

²⁴⁰ Старостин П.И. Именниковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 100, 101.

²⁴¹ Сташенков Д.А. Об этнокультурных связях населения именниковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 26–28.

²⁴² Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья. С. 251, 252.

²⁴³ Степанов П.Д. Памятники уторско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // III Уральское археологическое совещание в г. Уфе: тезисы докладов. Уфа, 1962. С. 65–68; *Его же*. Памятники уторско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. 2. С. 144.

²⁴⁴ Березина Н.С., Березин А.Ю., Коноваленко А.В. Вклад краеведа Юрия Борисовича Новикова в изучение археологических памятников Присурия. Чебоксары, 2010. С. 31–67.

²⁴⁵ Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурия // Учен. записки ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 3–18.

²⁴⁶ Исследование многослойного поселения Утюж I на Сура / А.В. Вискапин, Н.С. Березина, А.Ю. Березин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставипкий, А.В. Коноваленко // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: материалы научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 декабря 2006 г. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 54.

²⁴⁷ Мясников Н.С. Отчет о результатах археологической разведки на территории Алатырского и Поречного районов Чувашской Республики в 2009 г. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2675. Инв. № 9495; *Его же*. Отчет о результатах археологической разведки на территории Алатырского и Поречного районов Чувашской Республики в 2012 г. Чебоксары, 2013 // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2703. Инв. № 9531.

²⁴⁸ Старостин П.И. Памятники именниковской культуры. Табл. 12; 14: 2, 5, 10, 19; 21: 5, 8, 10; 22: 25; 2, 15.

²⁴⁹ Старостин П.И. Именниковские могильники. С. 90.

²⁵⁰ Фахрутдинов Р.Г. Отчет 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. № 5327 Л. 17 (карта), 43 (№ 37), 44 (№ 38), 45 (№ 40), 46 (№ 41).

²⁵¹ Полное собрание русских летописей. Т. 13. СПб., 1906. С. 495–497.

²⁵² Гуркин В.А., Вискапин А.В. О ногайской дороге из Орды в Москву в конце XV века. URL: http://simbir-history.narod.ru/html/statja_1489.htm (дата обращения: 01.05.2013).

²⁵³ Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V ввхх н.э. М., 2005.

²⁵⁴ Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Памятники эпохи Великого переселения народов в Волго-Свияжском междуречье: доклад на Международной конференции «Великое переселение народов (4–7 вв. н.э.) – на пути к установлению системы взаимодействия народов Евразии», Куликово поле, 13–17 ноября 2012 г.

²⁵⁵ Там же.

Содержание

Введение.....	3
Итоги изучения археологических памятников Чувап- ского Поволжья I тысячелетия и перспективные направле- ния дальнейших научных изысканий.....	4
«Военный выплеск» I—II веков в Среднее Поволжье: к вопросу о памятниках инсеральско-андреевского типа в Чу- вашском Поволжье.....	6
Формирование ранней мордвы в Чувапском Поволжье (по материалам Сендимиркинского и Таутовского могиль- ников).....	14
Древнемордовская культура в Чувашском Поволжье и загадка ее исчезновения.....	20
«Ранние славяне» на Суре? К вопросу об именьковских древностях в Чувапском Поволжье.....	31
Заключение.....	34
Литература, источники и примечания.....	57

Подписано к печати 21.12.2013. Формат 60х90 ^{1/16}.
Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 3.12.
Заказ №36. Тираж 100 экз.

Отпечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29. корп. 1